

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

ПРЫВІТАННІ ЎДЗЕЛЬНІКАМ КАНФЕРЭНЦЫІ

Аляксандр САСНОЎСКІ,

міністр культуры Рэспублікі Беларусь, старшыня Аргкамітэта

Шаноўныя зарубежныя госці, паважаныя беларускія навукоўцы!

Дазвольце мне ад імя Аргкамітэта Міжнароднай навуковай канферэнцыі па вяртанню і сумеснаму выкарыстанню культурных каштоўнасцей, якая праводзіцца пад эгідай ЮНЭСКО, сардэчна прывітаць вас у беларускай сталіцы, якая сёлета адзначае 930-годдзе свайго першага ўпамінання ў пісьмовых крыніцах! Мы спадзяемся, што ваша прабыванне тут будзе не толькі карысным, але і прыемным.

Тэма нашай канферэнцыі, нашай гаворкі для Беларусі мае асаблівае значэнне. Гістарычны лёс нашага народа склаўся так, што ён стагоддзямі не меў сваёй дзяржаўнасці, што ён выступаў раней не пад уласным імем, а як русіны ці ліцвіны. Наша тэрыторыя ўваходзіла ў склад іншых дзяржаўных утварэнняў са сваімі сталіцамі, дзе і канцэнтраваліся — добраахвотна ці пад ваенным прымусам — нашы матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці. І падзяліць іх, вярнуць на гістарычную радзіму часта вельмі складана або і мала рэальна.

Асабліва вялікія страты беларуская культура панесла ў выніку шматлікіх войнаў. У час Другой сусветнай вайны нацысцкімі захопнікамі былі разрабаваны большасць беларускіх музеяў, бібліятэк, архіваў. Асабліва пацярпелі мінскія мастацкі і гістарычны музеі, Баранавіцкі абласны музей, Дзяржаўная бібліятэка. Шкода, нанесеная ад вывазу ў Германію больш адзінаццаці тысяч музейных экспанатаў, складала па далёка няпоўных падліках 163 мільёны рублёў. Далёка не ўсё вывезенае вярнулася на радзіму, а ў некаторых выпадках беларускія экспанаты былі вернуты не ў Беларусь, а ў Расію ці на Украіну, дзе часткова застаюцца і цяпер.

Аднак наша сённяшняя і заўтрашняя задача — абмеркаваць не толькі пытанні рэстытуцыі, фізічнага вяртання каштоўнасцей, юрыдычных аспектаў праблемы, але і пытанні сумеснага выкарыстання тых жа каштоўнасцей, асабліва калі яны маюць спрэчны характар, хаваюцца ў запасніках. Такія творы мастацтва, архіўныя фонды, кніжныя калекцыі могуць і павінны сумесна даследавацца, публікавацца, выстаўляцца,

прадастаўляцца ў дэпазіт. Мы спадзяемся, што ўдзельнікі нашай канферэнцыі выявяць такія аб'екты даследавання, дадуць навукова абгрунтаваныя рэкамендацыі па іх, так сказаць, непрымусоваму сумеснаму выкарыстанню. Бо апісанне, публікацыя, выстаўка твора ці твораў — гэта таксама вяртанне на радзіму.

Вялікую надзею мы ўскладаем таксама на добрую волю, суседскае ўзаемаразуменне прадстаўленых тут краін — як на ўрадавым, так і на навуковым узроўні. Такая добрая воля ўжо не раз праяўлялася. З Украіны мы атрымалі некалькі беларускіх ікон, якія туды трапілі пасля вайны з Германіі; з Расіі, з Эрмітажа — прадметы раскопак з Навагрудка; з Літвы — дакладнае ўзнаўленне Тураўскага Евангелля, гравюр Напалеона Орды. У сваю чаргу мы таксама вярнулі ў Расію некалькі дзесяткаў ікон, затрыманых на Брэсцкай і Гродзенскай мытных, на Украіну — частку бібліятэкі Пятлюры. Спадзяемся, што гэты працэс будзе актывізавацца, асабліва калі, трэба спадзявацца, будуць падпісаны адпаведныя дамовы паміж краінамі, створаны двухбаковыя камісіі.

Наша канферэнцыя павінна спрыяць узаемаразуменню паміж на родамі і дзяржавамі, іх далейшаму культурнаму збліжэнню.

Жадаю ўсім вам спору і плёну ў працы!

Ніна МАЗАЙ,

намеснік міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь,
намеснік старшыні Аргкамітэта

Вітаю шаноўных удзельнікаў канферэнцыі па вяртанню культурных каштоўнасцей!

С большим удовольствием участвую в работе конференции, тема которой является разделом большой и весьма важной проблемы охраны культурного наследия. Эта тема всегда была актуальна. В последние десятилетия возросло понимание ее значения как на уровне руководства государств, так и в международных организациях, в частности, в ЮНЕСКО. ЮНЕСКО сделала немало эффективных шагов для признания значимости проблем охраны, использования культурного наследия на национальных уровнях.

После достижения нашей страной независимости, получения возможности самостоятельных контактов на международной арене, Комиссия Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО в первую очередь

обратилась к сотрудничеству в наиболее болезненной для нас сфере — ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Была создана программа ЮНЕСКО-Чернобыль, которая содействовала развитию и постановке на международный профессиональный уровень трех Центров социально-психологической реабилитации пострадавших, а также специализированных отделений многих лечебных учреждений страны. На последующем этапе усилия Национальной комиссии были направлены на развитие сотрудничества в области науки, в частности, точных наук. Мы стремились через международное сотрудничество дать нашей науке дополнительные возможности включиться в общий процесс сотрудничества в новых условиях, в полной мере присоединиться к международным научным обменам, способствовать ознакомлению белорусского научного сообщества с последними достижениями мировой науки. Появились интересные национальные и международные проекты геологической корреляции, ресурсосбережения в области информационных технологий компьютерной техники. В частности, это дало возможность наладить компьютерную сеть в Академии наук Беларуси, а также развернуть систему компьютерных каталогов в Национальной библиотеке.

Следует отметить то значение в определении приоритетов международного сотрудничества, которое отыгрывает активная позиция национальных сотрудничающих учреждений. И здесь за последние четыре года мы констатируем заметный прогресс, особенно в области культуры. При сотрудничестве с ЮНЕСКО была создана кафедра по изучению традиционного костюма зон Беларуси, подвергшихся радиоактивному заражению, что в определенной мере является трансдисциплинарным проектом, была получена возможность финансировать третий том атласа белорусских говоров, весьма дорогостоящего мероприятия, получены средства на реставрацию Мирского замка.

На нынешнем этапе наши усилия будут направлены на укрепление международного сотрудничества в области образования и сохранения культурного наследия. Хочется подчеркнуть, что и здесь огромное значение мы придаем трансдисциплинарности, в частности, соединению возможностей образования и воспитательного значения культурного наследия. Мы уверены, что сотрудничество с ЮНЕСКО открывает для стран региона огромные возможности в этой сфере. К примеру, именно усилия Генерального директора дали возможность привлечь значи-

тельные средства для охраны культурного наследия стран Латинской Америки. Следующим этапом будет подобная деятельность для других регионов мира.

Наша сегодняшняя конференция также является наглядным доказательством того, что значение движимых культурных ценностей для культурной самоидентификации народов и регионов приобретает сегодня приоритетное значение. Я рада, что по своей тематике, по сформулированной концепции конференция будет содействовать, кроме своих непосредственных целей, еще и укреплению чувства толерантности, взаимоуважения.

Успешной вам работы. Мы уверены, что конференция будет значительным шагом в развитии такого важного дела, каковым является сотрудничество в области сохранения культурного наследия и всех его составных частей.

Віктар ГАЙСЁНАК,

старшыня Дзяржаўнага камітэта па навуцы і тэхналогіях
Рэспублікі Беларусь

Паважаныя ўдзельнікі Міжнароднай канферэнцыі, калегі!

Дазвольце вітаць вас ад імя Дзяржаўнага камітэта па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь і пажадаць вам творчых поспехаў у рабоце!

Дзяржкамітэт па навуцы і тэхналогіях, займаючыся распрацоўкай і рэалізацыяй дзяржаўнай палітыкі ў галіне навукі і тэхнікі, абавязана ў сваёй дзейнасці на тое, над чым працуюць вучоныя і спецыялісты. Хачу падкрэсліць, што праблема, якая выбрана вамі для абмеркавання, займае ўсё больш месца ў навуковых даследаваннях шырокага кола навукоўцаў Беларусі і іншых краін. У мяне асабіста няма сумненняў і тым, што сама ідэя правядзення гэтай канферэнцыі, каб абмеркаваць такое складанае і далікатнае для Беларусі пытанне, знойдзе адпаведную падтрымку ўрадавых органаў.

Ва ўсіх краінах свету духоўныя каштоўнасці паважаюцца і шануюцца. Яны заўсёды выконвалі і выконваюць важную ролю носбітаў аб'яднальнай ідэі дзяржаўнасці. Гістарычна і геапалітычна склалася так, што Беларусь многія стагоддзі прымала на сябе безліч бедстваў і пакут. Амаль кожны кавалак беларускай зямлі адзначаны "знакам бяды". Шмат гістарычных і культурных помнікаў Беларусі страчаны назаўсё-

ды, іншыя апынуліся за яе межамі — у Расіі, Польшчы, Літве, на Украіне і ў іншых, больш аддаленых дзяржавах. Нават дзяржаўны архіў Вялікага княства Літоўскага (так званая “Літоўская метрыка”) знаходзіцца за межамі Беларусі.

У пачатку 90-х гадоў, як вядома, адбыліся кардынальныя змены ў дзяржаўным ладзе і грамадскім жыцці многіх краін свету, у тым ліку і Беларусі. Пасля працяглага знаходжання ў складзе іншых дзяржаў Беларусь атрымала, у рэшце рэшт, унікальны шанец адрадзіць сваю былую дзяржаўнасць. Праз некалькі дзён мы будзем упершыню адзначаць Дзень Рэспублікі, рэспублікі маладой, і таму нам яшчэ трэба многае зрабіць для яе станаўлення.

Хачу адзначыць, што ў вырашэнні ўзнятага сёння шматграннага і дыскусійнага пытання давядзецца яшчэ многае перагледзець, удакладніць, напісаць нанова. Ваша канферэнцыя, якая праходзіць пад патранатам вельмі паважанай міжнароднай арганізацыі ЮНЭСКО, — гэта спроба навуковага разгляду праблемы рэстытуцыі культурных каштоўнасцей. Зразумела, што спецыялістам хочацца вырашыць яе як мага хутчэй, але, на наш погляд, не трэба спяшацца, таму што тут закранаюцца інтарэсы як Рэспублікі Беларусь, так і іншых краін. Ні палітыкі, ні навукоўцы паасобку гэту праблему вырашыць не змогуць. Толькі сумеснымі намаганнямі, праз творчае супрацоўніцтва паміж сабой вучоных і прадстаўнікоў дзяржаўнай улады можна знайсці адпаведныя падыходы да яе вырашэння. Галоўнае тут не апусціцца да кан’юнктуры.

Сёння існуе вострая патрэба распрацоўкі навуковай канцэпцыі вяртання і сумеснага выкарыстання культурных каштоўнасцей. На наш погляд, у мэтах захавання, навуковага і грамадскага выкарыстання гістарычнай спадчыны Беларусі мэтазгодна ажыццяўленне адпаведнай дзяржаўнай навуковай праграмы ў рамках прыярытэтнага напрамку “Развіццё дзяржаўнасці Беларусі”. Гэтая тэма павінна вырашацца комплексна, на прававой, навуковай і дакументальнай аснове, шляхам супастаўлення беларускіх і замежных крыніц. Усё гэта запатрабуе значных намаганняў вучоных-гісторыкаў, мастацтвазнаўцаў, юрыстаў і іншых спецыялістаў.

Дзмітры БУБНОЎСКІ (Мінск)**Гісторыка-культурныя каштоўнасці
ў жыцці грамадства і дзяржавы**

Уся шматграннасць, складанасць і разнастайнасць далікатнай праблематыкі гісторыка-культурнай спадчыны наўрад ці можа быць ахоплена абмеркаваннем адной нашай канферэнцыі, нават калі выдзеліць для разгляду толькі яе юрыдычны аспект. З другога боку, калі сканцэнтравана толькі на праблемах рэстытуцыі, то адзін юрыдычны пункт гледжання не дасць поўнай карціны. Праблематыка рэстытуцыі патрабуе больш падрабязнага вывучэння. З гэтай прычыны Аргкамітэт прыйшоў да высновы аб неабходнасці канкрэтызацыі тэмы канферэнцыі, прынятай па прапанове сп. Годневай.

Некалькі слоў пра міграцыю каштоўнасцей наогул.

Ва ўсім свеце вываз тавараў, што вырабляюцца ў межах дзяржавы на рэалізацыю ў іншыя краіны, вельмі заахвочваецца. Сітуацыя, што складаецца ў гэтым плане ў дачыненні да гісторыка-культурных каштоўнасцей, прынцыпова іншая. Прычыны гэтага ў самой сутнасці гісторыка-культурных каштоўнасцей.

Пры распрацоўцы дзеючага цяпер Закона Рэспублікі Беларусь “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны” мы прааналізавалі цэлы шэраг крытэрыяў, якія вылучаюць гісторыка-культурныя каштоўнасці з усяго шэрагу матэрыяльных аб’ектаў або прадметаў. У выніку было заўважана, што ўсе вызначэнні накіраваны значна для археалогіі, гісторыі, літаратуры, мастацтва, навукі і г. д. зводзяцца да трох асноўных груп вартасцей: дакументальных (у самым шырокім сэнсе), эстэтычных і духоўных.

Дакументальныя вартасці каштоўнасцей як вынік і сведчанне гістарычнага і духоўнага развіцця кожнага з народаў забяспечваюць аб’ектыўнасць уяўлення аб мінуўшчыне кожнай краіны. Па вялікаму рахунку, яны выключаюць магчымасць значных фальсіфікацый гістарычнай навукі, падпарадкавання яе ўсялякаму роду палітыканству. Для грамадства гэта магло б выконваць вядучую ролю ў самавызначэнні кожнай нацыі, а для дзяржавы — стаць адным з магутнейшых фактараў стабільнасці дзяржаўнага ўтварэння. На жаль, далёка не заўсёды дакумен-

тальныя вартасці каштоўнасцей выклікаюць да сябе толькі прыхільнае стаўленне, прычым не толькі з боку знешніх ворагаў. Большасць унутраных ідэалагічных плыняў, што гвалтоўна прыходзяць да ўлады і не маюць патэнцыялу, каб зацвердзіцца праз стваральны працэс, не ўтрымліваюцца ад спакусы знішчэння або перайначвання каштоўнасцей, створаных іх папярэднікамі або апанентамі. Беларуская спадчына вельмі востра адчула гэта на сабе ў нядаўнім мінулым.

У выніку і становіцца, і адмоўнае стаўленне да дакументальных вартасцей каштоўнасцей стымулюе ўтрыманне і канцэнтрацыю апошніх у межах дзяржаўных утварэнняў. Тым не менш, значэнне і дзейнасць дакументальных вартасцей каштоўнасцей не залежыць ад месца іх знаходжання і ад таго, наколькі даступныя яны для грамадскасці. Дастаткова іх увядзення ў навуковы ўжытак.

Эстэтычныя вартасці моцна ўздзейнічаюць не столькі на свядомасць, колькі на падсвядомасць людзей. Будучы заснаванымі на мясцовых традыцыях, з улікам псіхаэмацыянальных асаблівасцей і мастацкіх традыцый народаў іх стваральнікаў, гісторыка-культурныя каштоўнасці выконваюць адну з вядучых роляў у фармаванні нацыянальнага менталітэту, вызначэнні тоеснасці кожнай нацыі. Разам з тым яны з'яўляюцца своеасаблівай візітнай карткай народа, ствараюць уражанне аб яго сутнасці ў свядомасці суседзяў, стымулююць не толькі культурны абмен, але і супрацоўніцтва ў іншых галінах дзейнасці.

У выніку, эстэтычныя вартасці каштоўнасцей, з аднаго боку, забяспечваюць зацікаўленасць у тым, каб утрымліваць іх на месцы стварэння, бо без пэўнай іх канцэнтрацыі слабее іх роля ў фармаванні нацыянальнага менталітэту, а з другога — правакуюць працэс распаўсюджвання каштоўнасцей па ўсім свеце з мэтай стварэння і падтрымання належнага іміджу краіны і дзяржавы. У абодвух выпадках дзейнасць эстэтычных вартасцей каштоўнасцей забяспечваецца толькі пры іх актыўным выкарыстанні ў навуковым і культурным ужытку, пры забеспячэнні шырокага доступу да іх грамадскасці.

Духовныя вартасці каштоўнасцей — галіна больш далікатная і спецыфічная. У дачыненні да рэстытуцыі іх значэнне не такое адназначнае, таму не аналізуючы іх падрабязна, заўважу толькі, што ўсе тры пералічаныя вышэй групы спецыфічных вартасцей каштоўнасцей забяспечваюць эмацыянальную адчувальнасць грамадства да праблем рэстытуцыі, якая бясспрэчна адбываецца на палітыцы дзяржаў і палітычных плыняў.

Пералічаныя вышэй вартасці, а таксама такія фактар, як унікальнасць і непаўторнасць гісторыка-культурных каштоўнасцей, з’яўляюцца прычынай іх адметнасці ў эканамічным плане. Гэтая адметнасць заключаецца ў высокім грашовым эквіваленце кошту гісторыка-культурных каштоўнасцей, а таксама ў тым, што гэты кошт, як правіла, з часам павышаецца. Апошняя акалічнасць абумовіла такую ролю гісторыка-культурных каштоўнасцей як аднаго з самых эфектыўных варыянтаў укладвання капіталу.

Уздзеянне розных фактараў на працэс міждзяржаўнай міграцыі каштоўнасцей, бясспрэчна, рознае.

Эканамічныя фактары разам са станоўчай роляй у справе фізічнага зберажэння каштоўнасцей праз высокі кошт з’яўляюцца магутнейшым рухавіком усіх ваенных рабаванняў, як арганізаваных, так і прыватных, крадзяжоў, перапродажаў, усялякага роду “чорных” і “белых” рынкаў. Яны — асноўны стымулятар усіх тых дынамічных працэсаў, якія праз пэўны перыяд прыводзяць да пастаноўкі пытання аб рэстытуцыі. Вынікам уздзеяння эканамічных фактараў з’яўляецца канцэнтрацыя каштоўнасцей у эканамічна развітых краінах за кошт рабавання дзяржаў, эканоміка якіх слабая або перажывае пэўныя цяжкасці.

Палітычныя фактары больш эфектыўна забяспечваюць кансерватыўнасць і стабільнасць сітуацыі. Яны стрымліваюць і замаруджваюць негатыўныя ўздзеянні эканамічных фактараў, але амаль не здольныя ліквідаваць іх наступствы.

Практыка паказала, што не вырашае гэтай праблемы і юрыспрудэнцыя. Больш таго, палітычныя прававыя фактары, нават узятая разам, не могуць супрацьстаяць эканамічнаму рухавіку непажаданага перамяшчэння каштоўнасцей праз дзяржаўныя межы і не могуць ліквідаваць наступстваў гэтага працэса, тым больш, што інтарэсы палітыкі далёка не заўсёды супадаюць з прававымі нормамі.

Ілюстрацыяй сказанаму можа з’яўляцца вопыт, набыты намі за той кароткі прамежак часу, які прайшоў з таго моманту, як Беларусь пачала займацца праблемамі рэстытуцыі самастойна.

У першыя ж месяцы пасля дэнансацыі саюзнага дагавора і ўтварэння Садружнасці Незалежных Дзяржаў намі быў распрацаваны праект пагаднення кіраўнікоў Урадаў СНД аб стварэнні міждзяржаўнай часовай камісіі па вырашэнню праблем уласнасці на гісторыка-культурныя каштоўнасці, што сабраны ў музеях, бібліятэках, архівах і іншых сховішчах былога Саюза ССР. 14 лютага 1992 г. гэты праект быў афі-

цыйна перададзены Міністэрствам культуры на разгляд адпаведнай камісіі беларускага парламента. Па іроніі лёсу, у гэты ж дзень у Мінску было падпісана Пагадненне кіраўнікоў дзяржаў СНД аб вяртанні культурных і гістарычных каштоўнасцей дзяржавам іх паходжання, тое самае пагадненне, якое выклікала цэлую буру негатыўных эмоцый у цэнтральных і расійскіх сродках масавай інфармацыі. Спачатку я пашкадаваў, што не меў раней кантакту з распрацоўшчыкамі тэксту гэтага пагаднення, таму што лічыў, што яго тэкст можна было б дапоўніць нашымі распрацоўкамі. У выніку шкадаванні аказаліся дарэчнымі, дзейнасць падпісанага пагаднення ўсё роўна была прыпынена Вярхоўным Саветам Расійскай Федэрацыі. Запоўніць прававую пуста-ту, што ўтварылася на месцы фактычна страціўшага сілу Мінскага пагаднення, быў, відаць, закліканы артыкул трэці пагаднення кіраўнікоў Урадаў СНД аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, падпісанага ў г.Ташкенце 15 мая 1997 г., які меў на ўвазе ўжо не рэстытуцыю каштоўнасцей, а прадугледжваў неабходнасць стварэння міждзяржаўнай экспертнай камісіі па рэстытуцыі. Вядомыя прадстаўнікі навуковай і творчай інтэлігенцыі Беларусі, а таксама асабіста я выступілі супраць падпісання Ташкенцкага пагаднення, але гэта выступленне мела месца ўжо “постфактум”.

Нашы спробы ў поўнай меры выкарыстаць магчымасці, прадас-таўленыя хця б Ташкенцкім пагадненнем, таксама не завяршыліся поспехам. Камісія па рэстытуцыі была аднойчы склікана, але гэта было 13 студзеня 1993 г. Прадстаўнік Расіі для ўдзелу ў яе рабоце свядома не быў накіраваны, нягледзячы на тое, што тэкст Ташкенцкага пагаднення быў распрацаваны расійскім бокам і менавіта Расійскай Федэрацыі належала ініцыятыва самастойнага стварэння камісіі.

Вынікам работы першага і пакуль што адзінага пасяджэння камісіі стаў распрацаваны на базе нашых названых вышэй прапаноў праект пагаднення кіраўнікоў дзяржаў СНД “Аб міждзяржаўнай камісіі па праблемах уласнасці на культурныя каштоўнасці, што сабраны ў музеях, бібліятэках, архівах і іншых сховішчах былога Саюза ССР” і праект палажэння аб гэтай камісіі. Названыя праекты былі ўзгоднены з урадамі ўсіх краін СНД, за выключэннем, зноў жа, адной толькі Расійскай Федэрацыі. У гэтай краіне адбываліся беспрэцэдэнтныя змены. Кіраўніцтва парламента, прыпыніўшага дзейнасць Мінскага пагаднення, паспела змяніць Белы дом на “Матроскую цішыню”, а потым “Матроскую цішыню” на свае кватэры або мітынговыя трыбу-

ны, але гэта ніяк не паўплывала на стаўленне Расійскай Федэрацыі да праблем рэстытуцыі каштоўнасцей. Не аказала ніякага ўздзеяння на гэту пазіцыю і вяртанне расійскаму боку калекцый абразоў, вывезеных з Яраслаўскай вобласці і затрыманых пры мытным даследаванні цягніка ў г. Брэсце.

Нашы спробы звярнуць увагу на гэтыя праблемы сусветнай супольнасці, у прыватнасці, на нарадзе па праблемах незаконнага перамяшчэння каштоўнасцей, праведзенай па лініі ЮНЭСКО у 1994 г. у г. Кентэлі (Венгрыя), былі ўспрыняты вельмі стрымана.

Намнога лепш пасоўваліся нашы ўзаемаадносіны ў галіне гісторыка-культурнай спадчыны з Польшчай. Спачатку яны былі распрацаваны асобным артыкулам у міжурадавым пагадненні аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, навукі і асветы, потым была створана сумесная кансультацыйная камісія па праблемах спадчыны, потым падпісана ратыфікаванае цяпер абодвума бакамі міжурадавае пагадненне аб супрацоўніцтве ў галіне аховы гісторыка-культурнай спадчыны. У стасунках з Польшчай ужо дасягнуты пэўны плён, але ўсё гэта, у тым ліку і належны стан юрыдычных дамоўленасцей, у першую чаргу — вынік добрай волі і ўзаемаразумення абодвух бакоў.

Праходжанне па ўсіх гэтых пяхельных кругах, відавочна, было неабходна для таго, каб не тое што зразумець, але ўсёй істотаю адчуць сутнасць праблемы.

Міжнародныя прававыя нормы, якія датычаць праблем рэстытуцыі, не вызначаюцца ні канкрэтнасцю, ні дасканаласцю. Механізм прымянення і забеспячэння іх дзейнасці прыктычна адсутнічае. На самой справе, наўрад ці да якой-небудзь краіны, што адмовіцца вярнуць незаконна перамяшчаную на яе тэрыторыю каштоўнасць, будуць прыменены эканамічныя санкцыі або супраць яе будзе праведзена ваенная аперацыя накішталт “Буры ў пустыні”. Заклучэнне і выкананне больш дзейсных двухбаковых міжурадавых і міждзяржаўных пагадненняў на прадмет вяртання каштоўнасцей таксама можа мець месца толькі са згоды абодвух бакоў. Таму, бадай што, усякая рэальная рэстытуцыя — гэта працэс непрымусовы, кожны выпадак вяртання каштоўнасці, па сутнасці, акт добрай волі. Прымусовая рэстытуцыя магла мець месца хіба што напрыканцы Другой сусветнай вайны.

Стымулам непрымусовага вяртання каштоўнасцей могуць і павінны з’явіцца маральныя фактары. Для таго, каб усвядоміць гэта і ўключыць названыя фактары на пэўную магутнасць, давайце разгледзім,

што можа з'явіцца наступствам незважання на праблематыку нашага сённяшняга абмеркавання.

Супрацьстаянне эканамічных фактараў, нерэалізаваных палітычных і прававых дэкларацый, памножанае на выкліканы гэтым эмацыянальны фон, у выніку ўжо прыводзіць амаль да самых негатыўных наступстваў, якія толькі маглі б мець месца ў дачыненні да каштоўнасцей — да іх утойвання. Гэта значыць, да выключэння з культурнага і навуковага ўжытку. Горш можа быць, бадай што, толькі фізічнае знішчэнне каштоўнасцей. Прычым, як ні шкада, у гэты працэс свядома або міжволі ўцягваюцца і дзяржаўныя ўтварэнні. Прыкладаў у пацвярджэнне гэтага нашы навукоўцы могуць прывесці колькі хочаце.

Гэта ўжо другая стадыя хваробы. Сукупнасць супярэчлівасцей заблытваецца ў такі гордзіеў вузел, калі самыя адданыя намаганні ўдзельнікаў працэса ўтрымання каштоўнасцей, шчыра ўпэўненых у сваёй праваце, спрацоўваюць з дакладнасцю да наадварот. Перамешчаныя каштоўнасці становяцца недаступнымі не толькі для прадстаўнікоў народаў іх стваральнікаў, але і для грамадскасці той краіны, дзе яны схаваны. Такім чынам, яны пазбаўлены як магчымасці фармавання нацыянальнага менталітэту, так і выканання ролі стымулятара міжнароднага супрацоўніцтва праз узбуджэнне зацікаўленасці да ўнутранага свету суседа.

Больш таго, выяўдзенне каштоўнасцей і нават звестак аб іх з навуковага ўжытку правакуе іх замяшчэнне той глебай, на якой вельмі бадзёра ўзрастаюць і квітнеюць недавер і варожасць паміж народамі.

Логіку ўтрымання чужых каштоўнасцей можна, вядома, растлумачыць і клопам аб будучых пакаленнях. Маўляў, пройдзе час, прыціхнуць страсці, і нашы дзеці і ўнукі змогуць карыстацца схаванаю зараз часткай здабыткаў сусветнай цывілізацыі бесперашкодна. Але наўрад ці хто пры гэтым задаецца пытаннем, ці змогуць успрыняць гэта будучыя пакаленні, якія будуць выхаваны ў свеце, які ўжо сёння збеднены дзякуючы такой палітыцы. І якім стане гэты свет у выніку. Першыя сімптомы духоўнай хваробы грамадства мы можам назіраць ужо сёння. Не апошняю ролю ў іх узнікненні адыгралі разарваныя духоўныя сувязі пакаленняў, у тым ліку і ў выніку негатыўных працэсаў, што маюць дачыненне да гісторыка-культурнай спадчыны ў самым шырокім сэнсе.

Такім чынам, нават калі нежаданне палітыкаў абмяркоўваць з іншымі дзяржавамі праблемы рэстытуцыі каштоўнасцей прадыхтава-

на папулісцкімі матывамі і грунтуецца на мітынговых падтрымках, па сутнасці, у выніку іх дзейнасць усё роўна наперакор дэкларацыям, што ўтрымліваюцца ў канстытуцыях практычна ўсіх дзяржаў свету, можа характарызавацца толькі адным выразам: “дзяржава супраць народа”.

Бясспрэчна, магчымасці маральных фактараў недастатковыя для таго, каб разблытаць або тым больш рассекчы гордзіеў вузел супярэчнасцей, звязаных з лёсам каштоўнасцей нашых народаў, раскіданых па свеце ў выніку глабальных і лакальных палітычных падзей, уласнай недасведчанасці і іншых прычын. На першым этапе будзе дастаткова паставіць мэту ліквідацыі негатыўных наступстваў незаконнай міграцыі каштоўнасцей, вярнуць гэтыя каштоўнасці ў навуковы і культурны ўжытак, прадугледзець розныя формы іх сумеснага выкарыстання, экспанавання на ўмовах дэпазіту і г.д. Маральны пачатак можа таксама прыцягнуць да справы рэстытуцыі і магчымасці больш важкіх фактараў і тым самым адкрыць гэтаму працэсу другое дыханне.

Александр ФЕДУРУК (Киев)

Реституция и возвращение культурных ценностей — важный фактор международного сотрудничества

Украине было суждено пройти нелегкий исторический путь. И фактически каждый его этап был отмечен потерями национальных культурных ценностей. Многие из них попали за пределы Украины, оказались разбросанными по миру, исключенными из научного и культурного обращения. Это отрицательно сказалось на духовном развитии народа, его самоутверждении себя как полноправной европейской единицы. Поэтому одним из важных направлений государственной политики в области культуры является возвращение на Украину культурных ценностей, утерянных ею в разное время и при разных исторических обстоятельствах. Собственно, при становлении украинской государственности эта проблема приобрела государственный уровень. Свидетельством этому являются важные инициативы Украины на международной арене. Провозглашенный нашим государством курс на неуклонное соблюдение существующих международных соглашений и конвенций, резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам возвращения культурных ценностей остается неизменным и будет целенаправленно проводиться в жизнь. Еще раз подчеркива-

ем, что речь идет прежде всего о возвращении национальных реликвий и незаконно вывезенных с территории Украины исторических и культурных ценностей.

Мы не рассматриваем процесс возвращения исторических и культурных объектов как односторонний акт, поэтому готовы к откровенному диалогу со всеми заинтересованными сторонами. Сегодня положения о возвращении культурных ценностей включаются практически во все межправительственные договоры по вопросам культуры.

В этой связи заслуживает стать примером динамичное развитие нашего сотрудничества в данной области с Федеративной Республикой Германией. Как известно, украинская сторона торжественно передала немецкому народу исторические реликвии, связанные с жизнью и творчеством известного немецкого поэта И.Гете, материалы из археологического памятника Каблов, графические альбомы из Дрездена, которые попали на Украину во время последней войны. В свою очередь немецкое правительство возвратило Украине ценные археологические находки, которые были вывезены в 1943 году из Херсонского историко-археологического музея и в течение нескольких послевоенных десятилетий находились на территории Германии. Переговоры официальных делегаций наших государств прошли в конструктивном духе и определили новые направления сотрудничества.

Активно ведется наш диалог с соответствующими компетентными органами Республики Польша, Венгрии, Беларуси и других стран.

Особенное значение мы уделяем развитию сотрудничества в области возвращения культурных ценностей с нашими партнерами по СНГ, в первую очередь с Россией, что вызвано объективными историческими предпосылками. К сожалению, на пути к сотрудничеству приходится преодолевать немало преград и недоразумений.

Однако в ходе нашего диалога достигнуты значительные сдвиги, определились конкретные направления сотрудничества. Есть надежда, что оно будет углубляться и расширяться.

Сложность и масштабность задач, которые стоят перед Украиной в области возвращения культурных ценностей, требуют четкой научной организации с определением приоритетов, перспективным планированием. Сегодня ясно, что требуется разработка целевой государственной программы, направленной на интеллектуальное и физическое возвращение на Украину культурных ценностей, утраченных при различных исторических обстоятельствах. Необходимо тес-

ное сотрудничество всех государственных служб, ведомств, учреждений, общественных организаций, отдельных энтузиастов. Их усилия должны быть направлены не только на обогащение нашей духовной сокровищницы, но и на предупреждение новых потерь путем незаконного вывоза культурных ценностей с территории Украины. В этой связи уже давно назрела необходимость в подготовке законодательных актов, касающихся вывоза и ввоза культурных ценностей, коллекционирования, меценатства, хранения музейных, архивных и библиотечных фондов, которые опирались бы на существующую международную правовую базу.

Дважды на Украине проводились международные совещания: в 1994 г. в Чернигове — “Проблемы возвращения национально-культурных памятников, утерянных или перемещенных во время Второй мировой войны” и в 1996 г. в Киеве — “Правовые аспекты реституции культурных ценностей: теория и практика”.

Интегрируясь в мировое сотрудничество, Украина полностью базируется на соблюдении международно-правовых норм, касающихся возвращения объектов культуры, которые успешно регулируются через механизмы ООН и ЮНЕСКО. Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО в данной области нацеливают на международное сотрудничество, определяют порядок и содержание его в отношениях с другими государствами.

Особенности проблемы поиска и возвращения пропавших культурных ценностей заключаются в том, что она не может быть решена *волей одного государства*. Сама ее суть предусматривает широкое сотрудничество с другими государствами на принципах международно-правовых норм. Украина ратифицировала международные конвенции, которые регулируют сотрудничество членов мирового содружества в данной области, взяла на себя обязанности придерживаться их духа. Аналогичного подхода к этой проблеме мы ожидаем от наших партнеров. Считаем перспективным международное сотрудничество на всех уровнях — на двусторонней основе, в рамках региональных программ. В этой связи необходимым является тесное сотрудничество с аналогичными компетентными органами Российской Федерации и Республики Беларусь по поиску и возврату утерянных в годы войны культурных ценностей. Мы уже имеем опыт взаимных консультаций, обмена научной информацией. Белорусские специалисты участвуют практически во всех мероприятиях, которые проводит Национальная комиссия. Плодотворным было

сотрудничество коллег в работе Национального научно-практического симпозиума в декабре прошлого года “Правовые аспекты реституции культурных ценностей: теория и практика” под патронажем ЮНЕСКО. Напомню, что на этом семинаре делегации Украины, Польши, Республики Беларусь выступили с инициативой проведения специальной сессии Межправительственного комитета по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения, посвященной проблемам выработки правовых принципов и реальных механизмов поиска и возврата культурных ценностей, утерянных во время Второй мировой войны, а также вопросам возвращения незаконно присвоенных культурных ценностей государствам, которые получили независимость.

Поиск и возвращение культурных ценностей, утерянных или перемещенных во время Второй мировой войны, в результате различных вооруженных конфликтов, грабежа и контрабандного вывоза, являются общей необходимостью как западных государств, так и восточных, основой полноценного функционирования культуры. Каждый незначительный успех на этом пути, который объединяет усилия многих специалистов, содействует возобновлению исторической справедливости, подтверждает стремление народов к взаимопониманию.

Многочисленные факты свидетельствуют об эффективности действий ради пользы сотрудничества государств и народов в области реституции и возвращения культурных ценностей. Особенно надо отметить деятельность Межправительственного комитета ЮНЕСКО по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения. В прошлом году на IX сессии ЮНЕСКО рассматривались проблемы защиты и предупреждения незаконной миграции, а также противозаконной торговли культурными ценностями. Украина тогда же стала одним из официальных членов вышеназванного комитета.

Мы убеждены, что Межправительственный комитет может содействовать развитию международного сотрудничества с целью возвращения культурных ценностей на территорию их происхождения, сполна информировать мировую общественность о масштабах и значении проблем возвращения и реституции. Как нам кажется, следовало бы посвятить одну из ближайших сессий Межправительственного комитета проблемам реституции культурных объектов, перемещенных во время Второй мировой войны.

Межправительственный комитет не остается равнодушным к судьбе собраний в различного рода учреждениях, библиотеках, музеях, архивах, которые сохраняют культурное наследие. Одним словом, предупреждение противозаконной миграции движимых объектов культуры, которое лежит в основе деятельности Межправительственного комитета, неотрывно от проблем охраны и сбережения культурного наследия. Они нацеливают разные народы на сотрудничество и взаимопонимание, служат важной и актуальной областью международного сотрудничества, содействуют установлению отношений доверия между разными государствами.

Культурные ценности стали объектом внимания мировой общественности. Сегодня они объединяют действия политиков, дипломатов, властных структур, ученых, деятелей культуры и искусства, работников архивов, музеев, библиотек — всех, кто не равнодушен к судьбам культуры, заботится о сбережении и использовании для прогресса и гуманизма собственной культурной памяти.

Сотрудничество государств в области возвращения и реституции культурных ценностей приобретает все большее значение в международной жизни, что вызвано необходимостью сохранения культурного пространства, осознанием разрушительных последствий а alienации этого пространства для каждой национальной культуры. Призывы к сохранению коллективной памяти, воплощенной в историко-культурных ценностях, становятся весомым вкладом в пользу современной цивилизации и проникают в коллективное сознание.

Все большую поддержку общественности мира, правительств различных государств получает идея возвращения культурных ценностей, национальных исторических реликвий, памятников искусства, противозаконно перемещенных с территории их происхождения. Каждая национальная культура при определении приоритетов руководствуется наличием созданных культурных ценностей, эффективностью их функционирования в обществе и его способностью оберегать эти ценности от физических и других насильственных разрушений.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что культурные ценности являются важным элементом общения, взаимопонимания и взаимосближения народов и государств. Работа в области возвращения и реституции, которая ведется в современных условиях, — это выражение гаагских идей, пакта Рериха, конвенций ЮНЕСКО по международному культурному сотрудничеству и формированию новых демократи-

ческих норм в сфере культуры и условий, которые объективизируют охрану и сбережение культурных ценностей. Актуальной для нашей деятельности и определения ее перспектив является “Декларация принципов международного культурного сотрудничества”, принятая ЮНЕСКО (1966), где, в частности, в статье VIII подчеркивается: “Культурное сотрудничество должно происходить на основе взаимного удобства для всех народов, которые участвуют в нем, соответствующие обмены должны быть пронизаны духом максимальной взаимности”.

Сами культурные ценности выступают как главный критерий поддержки неразрывной духовной связи поколений, объединяют их в единую цепь исторического развития. Каждый объект историко-культурного назначения, каждое произведение искусства, памятник культуры являются одним из звеньев такого исторического неразрывного целого. Поэтому потеря культурных ценностей, их отрыв от народов и наций, которые дали им жизнь, имеют отрицательные последствия для их полноценного развития. Сегодня являются очевидными реалии, ведущие к двусторонним переговорам. Они исходят из требований международного права, существующих положений и рекомендаций ЮНЕСКО.

Однако, очевидными являются и разногласия, вызванные субъективными требованиями, которые не имеют точек соприкосновения с этими нормами, положениями и рекомендациями.

Существует множество открытых, особенных, специфических проблем, которые лежат в плоскости дискуссий.

Практика утверждает полноту формирования национального законодательства ряда стран, которое содействует развитию требований международного собственного права, или наоборот, ограничивает или усложняет анализ понятий возвращения и реституции культурных ценностей.

Реституция является предметом регулирования межгосударственных отношений. Культурологические и политические факторы действий объединяются в ней, утверждая верховенство международного права и волю народов к международному сотрудничеству.

Международно-правовые нормы определяют формы реализации реституции, дают ориентиры в этой сфере, утверждая перспективу координации в области объектов культуры и сотрудничества различных государств во имя дальнейшего развития их культурного потенциала. От успешного решения проблем, которые охватывают возвращение объектов культуры в страну их происхождения, зависит судьба международного культурного сотрудничества.

Войцех КОВАЛЬСКИ (Катовице, Польша)

Репатриация культурных ценностей в ситуации уступок территории и распада многонациональных государств

Внимательно изучая новейшую историю Европы, можно заметить, что среди различного рода проблем, касающихся культурного наследия, явным своеобразием отличается репатриация культурных ценностей как следствие территориальных уступок или распада многонациональных государств¹. Государства этого типа веками проявляли постоянную склонность к накоплению в своих столицах наиболее ценных произведений искусства и литературы, являющихся культурным достоянием многих народов, живущих на подчиненных им территориях. Эти собрания, хранящиеся с давних времен в местных санктuariумах и столицах ликвидированных государств, выполняли важные объединительные и идентифицирующие функции для местных общностей. Перемещаемые по мере прибытия новых территорий в большие центральные музеи, они одновременно изменяли свою роль. Не только демонстрировали культурное разнообразие создаваемых империй, но часто символизировали доминирование над завоеванными народами и поглощенными странами. Не удивительно, что с момента получения независимости такие страны вскоре начинали домогаться возвращения своего утраченного наследия, проявляя обычно в этих усилиях большое упорство и решительность.

В течение последних 150 лет мы можем четко выделить четыре периода интенсивного регулирования в данной области. Прологом был итальяно-австрийский конфликт, уходящий своими корнями в начало второй половины минувшего столетия. Два следующие урегулирования стали элементом построения нового порядка после обеих мировых войн, а четвертое началось одновременно с политическими изменениями в Центральной и Восточной Европе, а также на территории бывшего СССР. Этот период продолжается практически до сегодняшнего дня и по мере утихания политических эмоций охватывает также государства, образованные на территории разделенной Югославии.

Анализируя упомянутые события и особенно выдвигаемые в этом случае требования и заключаемые договора, можно заметить явные

закономерности, которые выглядят как четко очерченные принципы. Поэтому давайте присмотримся ко всем этим случаям, чтобы в конце можно было подвести итоги.

Впервые в истории Европы проблема репатриации культурного наследия проявилась в больших масштабах в рамках процесса объединения политически раздробленной Италии и построения современного итальянского государства. Существующая еще тогда австро-венгерская монархия была вынуждена в связи с этим отказаться от многих итальянских территорий, в том числе бывшей Венецианской Республики, которую она когда-то поглотила. Возвратив свои земли, итальянцы сразу же потребовали вернуть все произведения искусства, исторические памятники и архивы, вывезенные оттуда во время правления Габсбургов чаще всего в Вену. В правовом австрийско-итальянском договоре 1866 года² итальянская сторона получала утраченные культурные ценности на основе ст. XVIII этого договора, определяющей нижеследующее: “Архивы уступленных территорий, содержащие наименования собственности, административные и судебно-гражданские документы, а также политические и исторические документы бывшей Республики Венеции будут возвращены целиком утвержденным для этой цели комиссарам, которым будут также переданы произведения искусства и науки, особо связанные с уступленной территорией”³.

Одновременно, следует подчеркнуть, итальянцы обязались выдать Австрии: “... наименования собственности, а также документы администрации и гражданского судопроизводства, касающиеся австрийской территории, которые могут находиться в архивах уступленной территории...” (ст. XVIII). Таким образом, регулируя проблему культурного наследия, договор исходил из принципа взаимности, опирающегося на явно подчеркнутый в цитируемых статьях критерий территориальной связи культурных ценностей. Особое внимание было обращено при этом на восстановление исторической интегральности наследия Венеции. Эти принципы подвергались двум ограничениям. Первое исходило из желания одновременно защитить интегральность архивных собраний, имеющих научное значение. В таком случае стороны обязывались: “... разрешить составление официальных копий исторических и политических документов, представляющих интерес с точки зрения территорий, остающихся во владении другой договаривающейся стороны. В интересах науки их нельзя выделить из архивов, к которым они принадлежат” (ст. XVIII, абз. 4). Второе ограничение защищало частную

собственность членов австрийской императорской семьи. С этой целью она была освобождена от обязанности репатриации в силу специальной ст. XXII договора. Речь здесь шла о ряде выдающихся произведений итальянского искусства, причем часть из них находилась в Вене, а часть с давних времен была депонирована в итальянских галереях. Ни одна из сторон не хотела уступить, а окончательное решение проблемы усложнялось слишком широкой интерпретацией Габсбургами упомянутой статьи XXII об охране частной собственности. В результате длительных переговоров были заключены два дополнительных соглашения. В силу первого из них Италия выдала только некоторые из спорных произведений искусства, а в качестве компенсации за удержание большинства из них обязалась выплатить Австрии сумму 4 миллиона лир⁴. Но самым трудным для решения оказалось дело с “Мадонной” Рафаэля, которая находилась во Флоренции. Свои претензии на нее предъявлял эрцгерцог Фердинанд на основании права собственности, связанного с его прежним титулом великого князя тосканского. В конечном итоге проблема была урегулирована в особом, втором дополнительном соглашении таким образом, что картина оставалась в столице Тоскании, но обозначенная как Мадонна Великого князя в память о Фердинанде⁵.

Однако рассмотренные соглашения еще не урегулировали всех итальянских претензий. В очередной раз последовало обращение к Австрии в 1893 г., на этот раз оно касалось 135 картин, вывезенных в Вену в 1838 г. Однако австрийцы применили метод затягивания переговоров⁶. Таким образом, до окончательного разрешения своих претензий итальянцы должны были подождать следующие почти 30 лет. Поводом для их повторного выдвижения стало большое правовое урегулирование последствий Первой мировой войны.

Мирные договоры после этой войны имеют, с точки зрения настоящей статьи, особый характер. В них была предпринята попытка урегулирования многих проблем культурного наследия, которые стали следствием осуществленного тогда серьезного изменения политической карты Европы. Таким образом, свои дела пытались тут решить не только итальянцы, но прежде всего государства, возникшие в результате распада бывшей Австро-Венгрии, такие, как Венгрия и Чехословакия, или же такое государство, как Польша, которое обрело независимость, утраченную в результате раздела ее территории в конце XVIII в. между Австрией, Пруссией и Россией.

Основополагающее значение имеют в наших рассуждениях мирные договоры, заключенные союзниками с Австрией в 1919 г.⁷ и с Венгрией в 1920 г.⁸. Схожесть принятых в них решений (и даже записей, соответствующих договорным оговоркам), касающихся культурного наследия, оправдывает совместное рассмотрение обоих документов. На их фоне можно выделить три типа интересующих нас урегулирований.

Тип первый — это реституция либо репатриация культурных ценностей, вывезенных в период войны с территорий, подлежащих передаче. Следует исходить из того, что мы имеем тут дело прежде всего с намерением устранения последствий военных грабежей, т.е. с необходимостью реституции объектов, подлежащих возврату на основе уже тогда повсеместно действующих норм международного права⁹. В расчет могла входить также репатриация собраний, легально эвакуированных с этих территорий бывшими властями, например, за линию фронта для сохранения от уничтожения или по любой другой причине, в частности, чтобы они остались там в связи с предвидящимся развитием политической ситуации. Соответствующие положения обоих документов устанавливали, что Австрия и Венгрия вернут произведения искусства, книги, документы и т.п., “которые были забраны, начиная с 1 июня 1914 г., с уступленных территорий, за исключением предметов, закупленных у частных владельцев” (ст. 192 Сен-Жерменского и ст. 176 Трианонского договоров).

Тип второй — это репатриация культурных ценностей, имеющих связь с уступленной территорией, если такие объекты были забраны с нее в установленный период времени до войны. Как Австрия, так и Венгрия согласились, что “вернут соответственно каждому из заинтересованных союзных и содружественных правительств все материалы, документы и исторические памятники, находящиеся во владении своих публичных учреждений, которые имеют непосредственную связь с историей уступленных территорий и которые были с них перемещены, начиная с 1 января 1866 г.” в случае с Венгрией (ст. 177 Трианонского договора), и “в течение последних десяти лет” в случае с Австрией (ст. 193 Сен-Жерменского договора). Оба цитируемых договора продлили это время в отношении Италии, принимая, что оно будет “начинаться с даты провозглашения королевства (1861 год)”.

Тип третий — это репатриация, имеющая целью помощь в восстановлении национального культурного наследия избранных государств путем возвращения культурных ценностей, находящихся во владении

на этот раз исключительно Австрии и вывезенных из этих государств незаконно, без определения временного лимита. Среди государств, которым договор предоставил право на соответствующее ходатайство, оказались Италия, Чехословакия и Польша. Самый длинный список представила Италия. Подтолкнула ее к этому ст. 194 договора, соответствующая прежним и все еще неудовлетворенным требованиям итальянцев¹⁰. Среди прочего в обращении упоминались: драгоценности и медали эпохи Медичи, вывезенные из Тоскании, картины, скульптуры и рукописи из Модены, регалии из Палермо, архивные документы различных городов и множество других памятников национальной культуры¹¹. Ввиду отсутствия формального лимита времени не обращалось внимание на давность предъявляемых притязаний. Самые давнишние касались 1718 г., когда была вывезена указанная в списке рукопись из Неаполя. Не меньше притязаний предъявила Чехословакия, требуя возврата ряда произведений искусства и архивных документов, вывезенных Габсбургами из различных государственных учреждений и резиденций, которые они занимали во времена своего господства в Чехии. Чехи превзошли даже итальянцев, требуя возвращения объектов из знаменитой пражской коллекции Рудольфа II, которые были вывезены в Австрию его наследниками в начале XVII в. На этом фоне только притязания Польши не казались слишком большими. Был затребован только один предмет — золотая чаша польского короля Владислава IV, вероятно, потому, что невозможно было за такое короткое время составить хорошо документально обоснованный список давно утраченных предметов. Согласно договору, эти требования должен был разрешить так называемый “Комитет трех юристов”. Перед ним стояла задача чрезвычайной трудности. Решение ее не облегчало деятельности Комитета, в который были включены американец, англичанин и француз, т.е. лица, незнакомые с юридическими и историческими зависимостями в Центральной Европе¹². В конечном итоге Комитету было заявлено несколько претензий. Он не нашел оснований для их признания. Поэтому заинтересованным государствам оставалось только вести двусторонние переговоры. Наиболее выгодную исходную точку для переговоров создали себе итальянцы, которые применили тактику свершившихся фактов, забрав из Вены силой несколько десятков наиболее ценных произведений итальянского искусства еще до подписания договора¹³. Возникший по этому поводу конфликт смягчила лишь компромиссная конвенция, подписанная с Австрией 5 мая 1920 г.¹⁴. По ней Италия обязалась

не прад'являць астатнія требаванні, выдвинутыя (оформленыя) в договоре, и возвратила в Вену только что вывезенный бюст императора Франца I работы Кановы¹⁵. В том же месяце Австрия заключила также договор о выполнении Сен-Жерменского соглашения с Чехословакией¹⁶, а в последующие годы с остальными государствами-правопреемниками¹⁷.

Даже беглое сравнение описанных репатриационных оговорок позволяет заметить явное стремление к возврату культурного наследия передаваемых территорий или даже государств, которые эти территории возвращали себе либо строили на них свою вновь обретенную государственность¹⁸. Такая цель договоров вытекает из принципа защиты коллекций и собраний в более широком значении¹⁹, а также последовательного применения принципа взаимности²⁰. Не оставляют никаких сомнений аналогичные положения Сен-Жерменского (ст. 196) и Трианонского (ст. 177) договоров. Они гласят: “Что касается всякого рода предметов и документов художественного, археологического, научного или исторического характера, входящих в состав собраний, которые до этого принадлежали либо Правительству Австро-Венгерской монархии, либо Короне, то — если речь идет о предметах, которые не подпадают под другие положения настоящего договора” — Австрия и Венгрия обязались “провести с заинтересованными государствами в случае, если они этого пожелают, переговоры, имеющие целью заключение полюбовного соглашения, в силу которого могут быть репатриированы в страну происхождения, по принципу взаимности, любые части соответствующих собраний или любые вышеперечисленные предметы и документы, которые принадлежат духовному наследию (*patrimoine intellectuel*) соответствующих государств”. Целостность наследия для создателей этих договоров была очень важна, коль скоро они приложили особые усилия, чтобы максимальным образом обеспечить возможность ее действительного восстановления. На основе особой записи в обоих договорах Австрия (ст. 196 b) и Венгрия (ст. 177 b) должны были “не рассеивать соответствующие собрания и ничего из них не отдавать, а также не распоряжаться ни одним из соответствующих предметов в течение двадцати лет, разве что до истечения этого периода будет заключено особое соглашение, в то же время обеспечить их безопасность и хорошее реставрационное обслуживание, а также передать в распоряжение исследователей, которые являются гражданами каждой из Союзных и Сопричастных держав, как сами

собрания, так и касающиеся их инвентарные списки, каталоги и управленческие документы”.

После создания юридических оснований для удовлетворения требований, внешних по отношению к Австрии и Венгрии, пришло, наконец, время для проведения расчетов между этими государствами как таковыми. Венгрия также была государством, которое в результате падения Австро-Венгерской монархии восстанавливала свой суверенитет, хотя, конечно, ее положение в этом сообществе было совершенно иным по сравнению, например, с Чехией или южными землями бывшей Польши. Несмотря на это, многие культурные ценности, имеющие основополагающее значение для национальной идентичности венгров, находились в венских музеях, а следовательно, естественным последствием разделения было стремление к перемещению этих сокровищ в Будапешт²¹. После 12 лет нелегких переговоров был достигнут желаемый компромисс, увенчанный подписанием договора “о некоторых предметах из музеев и библиотек”²². Этот договор является редким примером решения проблемы многонационального наследия, удовлетворяющего в конечном итоге заинтересованные стороны²³. Поэтому он по-прежнему, несмотря на то, что со времени его подписания прошло довольно продолжительное время, может рассматриваться, во всяком случае, до определенной степени как модельное урегулирование в этой области. Вот почему он заслуживает более широкого рассмотрения. Первоначально венгры требовали передачи им не только объектов, принадлежащих непосредственно к их национальному наследию, но также почти половины габсбургских художественных собраний, которые возникли в период существования совместного государства²⁴. По их мнению, собрания эти являлись в конечном итоге совместной собственностью обоих народов и их следовало поделить между Веной и Будапештом пропорционально вкладу обеих сторон в их создание. Австрийцы решительно отвергли эти рассуждения, ссылаясь на цитированную уже ст. 177 Трианонского договора, который ограничивал обязанности Австрии по возвращению объектов, связанных с венгерской территорией. Кроме того был приведен аргумент, что в результате многовекового хранения этих объектов в Вене они стали также и австрийским достоянием. Достигнутый в этой ситуации компромисс заключался в наиболее общих чертах в том, что Австрия обязалась передать Венгрии определенное количество культурных ценностей и признала общими и неприкосновенными остальные габсбургские

собранія. Одновременно она передала определенные особые права по отношению к ним венгерским исследователям.

Будапешт получил таким образом 36 рукописей и более 150 различных произведений искусства, в том числе картины, оружие, изделия из золота и др. Среди них преобладают объекты, тесно связанные с историей Венгрии, например, королевские доспехи и мечи, монеты, банкноты и т.п. Меньшую же часть составляют различные предметы старины общеевропейского значения, которые были переданы в качестве компенсации за объекты венгерского происхождения, оставленные в Вене. В качестве примера можно здесь упомянуть две части триптиха Х.Мемлинга, переданные для дополнения остальной части этого алтаря, давно находящегося в Будапеште, картину Тинторетто, художника, который еще не был представлен в венгерских музеях, и образцы вооружения, дополняющие будапештскую королевскую оружейную палату, единственную в Венгрии²⁵.

Компромиссную концепцию “общего фонда культурных ценностей” и имеющихся прав на него лучше всего демонстрируют соответствующие положения договора. Согласно ст. III этого акта, “предметы, составляющие интеллектуальное наследие”²⁶ Венгрии, которые в силу данного договора не будут переданы Венгрии Австрией, признаются совместным национальным культурным достоянием обоих государств. Эти предметы не могут быть переданы третьим сторонам. [...]”. Следующая запись (ст. IV) поясняет, что “поскольку многовековая история установила между Австрией и Венгрией общие культурные интересы и признается тесная связь этих интересов с когда-то придворными интересами и в силу семейного характера непроданных собраний, Австрийское Союзное Правительство признает за Венгрией следующие преимущественные права на пользование этими собраниями: Венгерское правительство имеет право делегировать в [...] собрания полномочных представителей, которым [...] будет обеспечен свободный доступ к объектам, даже если они не собраны в музеях и библиотеках, а также ко всему вспомогательному оборудованию, необходимому для их исследований, и не только в читальных залах, рабочих и канцелярских комнатах, но и в выставочных помещениях, запасниках и других хранилищах. Эти представители будут иметь самую широкую возможность инвентаризации определенных предметов в упомянутых собраниях, их исследования, фотографирование и пользования административным и научно-вспомогательным

оборудованием, особенно архивами, инвентарными списками, реестрами, перечнями [...], картотеками, административно-техническими документами, а также подручными библиотеками”²⁷.

Степень сложности проблем, которые должны были решить участники анализируемого соглашения и которые часто будут возникать при разделе создаваемого веками общего наследия разных народов, хорошо иллюстрируют два примера, связанные с этим договором. Первый касался так называемой короны Бочкай. Правда, получил ее от Султана венгерский король Стефан Бочкай Трансильванский, но поскольку он был также связан с тогда уже румынской Трансильванией, то и румыны причислили ее к своему наследию. Одновременное обращение Румынии относительно возврата короны сделало невозможным для Австрии выдачу ее Венгрии и, в результате, дело было оставлено до его разрешения между непосредственно заинтересованными сторонами²⁸. Другой пример связан с открытием действительного происхождения доспехов, переданных венгерской стороне в качестве доспехов ее короля Людовика II²⁹. Только через несколько лет после передачи их в Будапешт известный австрийский знаток оружия Бруно Томас установил с достоверностью, не вызывающей какого-либо сомнения, что доспехи были исполнены в 1533 г. в Инсбруке для “молодого короля Польши”. Так они назывались в найденной Томасом корреспонденции позднейшего императора Фердинанда I, который заказывал доспехи по случаю обручения своей дочери Елизаветы с тогда еще тринадцатилетним королем Жигимонтом. Помещенная на доспехах монограмма “SE”, которая интерпретировалась как сокращение от “Sancta Elisabetha” — Святая Елизавета, попечительница Венгрии, могла быть после этого открытия без труда прочитана как Sigismundus–Elisabetha, т.е. молодая пара Жигимонт и Елизавета³⁰. Остается бесспорным, что если бы эта информация была известна до заключения австрийско-итальянского договора, доспехи не были бы переданы в Будапешт и могли бы стать предметом соответствующих шагов с польской стороны. Однако открытие было сделано за год до начала Второй мировой войны, а это было время, не подходящее для начала таких переговоров³¹.

Анализируя правовые рамки репатриации культурного наследия, созданные договорами о мире, завершающими Первую мировую войну, следует еще упомянуть два момента, связанные с Версальским договором³². Первый связан с передачей бывшей немецкой территории юго-восточной Африки под власть Великобритании как подмандатной

территории. Это, конечно, не была уступка территории в полном значении этого слова, тем не менее ст. 246 договора обязывала Германию передать британскому правительству череп султана Макаоуа, который был вывезен из юго-восточной Африки во времена немецкого господства. Несомненно, и тут руководствовались принципом территориальной связи, и только особые обстоятельства привели к тому, что предмет репатриации должны были передать государству, осуществляющему опеку над территорией его происхождения. Как информирует Холэндэр, в конце концов до передачи черепа не дошло, поскольку в Германии он не был найден³³.

Второй вопрос касался репатриационных притязаний в отношении культурных ценностей, вывезенных в Берлин на протяжении почти 150-летнего господства над бывшими польскими западными землями, которые были возвращены Польше. Вынесение этого вопроса на обсуждение в ходе мирной конференции в Париже не было, однако, одобрено государствами-союзниками, несмотря на проведение Польшей интенсивной дипломатической акции и внесение на конференцию обширного меморандума, призывающего к необходимости выполнения ею «требований справедливости»³⁴.

Как утверждал Правовой отдел Комиссии по возмещению ущерба, эти требования не могли быть рассмотрены конференцией по чисто формальным соображениям, поскольку во время осуществления этих перемещений Польша не соответствовала критерию независимого, союзного, содружественного государства, а также не была в состоянии войны с Германией. Как следствие, они также не могли быть включены в версальский договор. В этой ситуации были предприняты двусторонние переговоры, которые закончились подписанием в 1920 г. финансовых соглашений. В них немецкая сторона обязалась «... вернуть польскому Правительству все материалы, документы, памятники старины, произведения искусства, а также любые научные и библиотечные материалы, захваченные с земель, уступленных Польше...»³⁵. Если предварительная фаза переговоров закончилась достижением выгодных договорных записей, то ничто не указывает, чтобы они вообще были воплощены на практике, т.е. в деле возвращения конкретных объектов. Представляется, что из-за отсутствия точной документации польская сторона не была в состоянии предъявить значительные притязания, а единственным предпринятым шагом в этом направлении была попытка возвращения так называемой «Мадонны Рачинских» кисти Сандро

Боттичелли. Эта картина давно уже хранилась в Кайзер Фридрих-Музеум, но являлась собственностью великопольской семьи Рачиньских и украшением их галереи в Познани с момента покупки картины в Париже в 1924 г. Переговоры по этому вопросу не дали, однако, успешного результата, и картина по-прежнему оставалась в Берлине при формальном надзоре Польши над ней³⁶.

Пожалуй, наиболее далеко идущие юридические основания для восстановления целостности культурного наследия в Европе в эпоху после Первой мировой войны содержал другой договор, заключенный Польшей на этот раз с Россией и Украиной³⁷. Он считается исключительным³⁸, а достижение таких выгодных результатов в переговорах по этому договору было возможно благодаря политической ситуации, которая имела место в России после проигранной войны с Польшей в 1920 г. На основании обширных оговорок договора, соответствующих интересующим нас проблемам, можно выделить два типа репатриации культурных ценностей согласно классификации, принятой при анализе Сен-Жерменского и Трианонского договоров.

Первый тип касался предметов “принудительно или добровольно” эвакуированных в Россию или на Украину с начала Первой мировой войны и до конца 1920 г. “Резэвакуация” означала в этом случае, как и в вышеупомянутых договорах, репатриацию собраний, вывезенных добровольно в Россию в целях гарантии безопасности или перемещения на постоянное хранение в столицу государства, а также и реституцию объектов, вывезенных туда в рамках обычных военных грабежей. Репатриация должна была охватить, среди прочего, библиотеки, художественные и архивные собрания с инвентарными книгами, а также “любые собрания и предметы исторического, национального, научного, художественного или вообще культурного характера, колокола и различного рода предметы религиозного культа всех вероисповеданий”, которые принадлежали “государству или его учреждениям, органам самоуправления, общественным организациям и вообще любым юридическим и физическим лицам” (ст. XI, п. 9 и 10).

Тип второй — определяющая исключительность этого договора репатриация культурного наследия, перемещенного с бывших территорий Речи Посполитой в Россию начиная с 1 января 1772 г. Под нее попадали даже все военные трофеи, за исключением трофеев последней польско-российской войны, а также любые предметы “культурного характера”, примерно перечисленные уже выше. Существенным

является также то, что указанную репатриацию собраний предполагалось провести независимо от того, “при каких обстоятельствах и по каким распоряжениям тогдашних властей они были вывезены, какому лицу, юридическому или физическому, они принадлежали первоначально после вывоза” (ст. XI п. 1).

Репатриация, предусмотренная этими постановлениями, действительно была, как можно убедиться, беспрецедентной вследствие ее очень широкой сферы охвата и безоговорочного характера. Основным критерием, определяющим ее предметный диапазон в обоих типах, являлся принцип территориальности. Теоретически возврату подлежало все наследие, вывезенное с исторических польских земель. Это означало существенное предметное расширение репатриации по сравнению с Сен-Жерменским и Трианонским договорами, которые в аналогичном случае допускали только возврат ценностей, имеющих связь с уступленной территорией. Следует, наконец, обратить внимание на факт, что Рижский договор не вводил разделения публичной и частной собственности, а также применял принцип взаимности. Предусмотренные в нем ограничения репатриации имели два основания. Первое: принцип восстановления целостности культурного наследия других народов, в данном случае введенный путем упоминания *expresses verbis* ценностей белорусской и украинской культуры. Они не подлежали возврату Польше в том случае, если были вывезены с территории, находящейся на восток от границ, установленных договором, и попали в Польшу раньше “не путем добровольной сделки или принятия наследства” (ст. XI п. 2). Второе ограничение вытекало из принятия в договоре принципа, что “систематизированные, научно обработанные и завершенные коллекции, являющиеся основой собрания всемирного культурного значения, не должны подвергаться разрушению” (ст. XI п. 7). Применение этого принципа было, однако, серьезно ослаблено в результате допущения исключений из него, если предмет, находящийся в такой коллекции, имел тесную связь с историей и культурой Польши (ст. XI п. 7 в конце).

Достижение даже таких выгодных юридических оснований репатриации не означало автоматического исполнения ее на практике. Переговоры относительно возврата конкретных предметов продолжались свыше 10 лет и проходили чрезвычайно тяжело. Их документация, главным образом, в виде писем, мемориалов и требований, обращенных к советским властям только в период от 1921 до 1923 г., заняла семь,

опубликованных кстати, томов³⁹. В конечном итоге в Польшу вернулось несколько сот важных произведений искусства, в том числе памятник князя Понятовского работы Торвальдсена, вывезенный из Варшавы, часть библиотек Залусских и Варшавского университета, королевская коллекция фламандских arrasов из Вавельского замка, регалии ордена Святого Духа, подаренные после победы под Веной папой Иннокентием XI и королем Франции Людовиком XIV Яну III Собескому. Тем не менее, это было очень мало, учитывая масштаб конфискаций и вывозов, произведенных русскими. Это составляло всего лишь 32 притязания из 80, которые польская сторона смогла документировать и представить образованной с этой целью специальной Смешанной комиссии⁴⁰.

Очередные территориальные изменения в Европе были определены мирными договорами, заключенными после Второй мировой войны. Главной проблемой тогда была ликвидация последствий беспрецедентных грабежей культурных ценностей. В некоторых международных и иных договорах этого периода мы находим определенные соглашения, касающиеся охраны целостности культурного наследия уступленных территорий. Что касается первых, то здесь в расчет входят договоры о мире с Италией и Венгрией, заключенные оба в 1947 г.⁴¹. Договор с Италией содержит оговорки, касающиеся территориальных уступок в пользу нескольких государств. К ним относятся, среди прочих, корректировки границ в пользу Франции (ст. 2), уступка некоторых территорий Югославии (ст. 3), передача Греции нескольких островков Додеканеза (ст. 14). В приложении № XIV к договору была сформулирована в связи с этими изменениями общая репатриационная оговорка. На основании ее итальянское правительство обязалось не передавать упомянутым государствам-правопреемникам “все предметы, представляющие художественную, историческую или археологическую ценность, принадлежащие культурному наследию уступленной территории, которые в период, когда эта территория находилась под итальянским господством, были оттуда взяты без оплаты и оставались в распоряжении итальянского правительства или итальянских публичных учреждений”.

Выраженный здесь общий принцип репатриации, основанный исключительно на критерии связи данного предмета с культурным наследием передаваемых земель, был затем расширен в отношении Югославии. Специально посвященная решению проблем этой страны ст. 12 договора затрагивает два вида вопросов, причем в обоих случаях

мы имеем дело с репатриацией по принципу “чистой” территориальности. В первой части ст. 12 сказано, что Италия, вернув Югославии все предметы художественного, исторического, научного, религиозного и т.п. характера, которые с 14.11.1918 г. до 02.03.1924 г. в результате итальянской оккупации были перемещены с территорий, уступленных Югославии в силу договоров, подписанных в Рапалло 12.11.1920 г. и в Риме 27.01.1924 г. Возвращению подлежали такие же предметы, перемещенные из этих областей после Первой мировой войны Итальянской миссией по вопросам перемирия в Вене. Вторая же часть анализируемой статьи касалась возврата всех упомянутых предметов, если они составляли общественную собственность и были перемещены “после 4 ноября 1918 года с территории, уступленной Югославии в силу настоящего договора, а также предметов, относящихся к вышеупомянутой территории, переданных Италии Австрией и Венгрией, при выполнении мирных Сен-Жерменского [...] и Трианонского договоров [...] и Конвенции, заключенной между Австрией и Италией, подписанной в Вене 4 мая 1920 года”.

Как видно, все это были “запущенные” дела, нерешенные по прежним договорам⁴², причем во втором случае речь шла о “повторной репатриации” объектов, однажды уже переданных заинтересованному государству.

Коль скоро речь зашла об итальянско-славянских отношениях, следует также упомянуть о дополнительном “укреплении” репатриаций, определенных в пользу Югославии. Оно выразилось в обязательствах Италии по выполнению “заменяющей репатриации”, если она не сможет вернуть предметы, определенные ст. 12 договора. В таком случае она должна была предоставить взамен предметы “того же вида и примерно той же стоимости, что и забранные предметы, если такие предметы можно будет получить в Италии” (ст. 12 п. 3).

Мирный договор с Венгрией, заключенный в тот же самый день, что и итальянский договор, отличался от последнего тем, что основанием предусмотренных в нем репатриаций является не только территориальная связь, но и вообще принадлежность конкретного объекта к “patrimoine intellectuel” Венгрии. Некоторые территории получили, кроме того, право на получение трех отдельно определенных групп предметов, которые или были созданы на этих территориях, или составляли часть ее национального культурного наследия. Безусловно, этот второй тип был оформлен как бы “по случаю” осуществления об-

щих расчетов, связанных с территориальной уступкой. Во-первых, возврату подлежали исторические архивы, возникшие на территории Чехословакии или Югославии, во-вторых, — библиотеки и другие культурные ценности, которые принадлежали учреждениям, находившимся на территории этих государств, либо историческим личностям народов Чехословакии или Югославии, и, в-третьих, — оригинальные экземпляры произведений искусства, литературы и науки представителей этих народов. Все перечисленные объекты подлежали передаче, если, в связи с венгерским господством в период с 1848 до 1919 г., они оказались во владении Венгрии как государства либо венгерских публичных учреждений. Согласно общему принципу, из этой репатриации были исключены оригинальные произведения венгров, а также предметы, приобретенные путем купли, дарения или наследования (ст. II). Было бы чрезвычайно интересно установить, в какой степени рассмотренные договорные соглашения были выполнены на практике, особенно в связи с происшедшими общественно-политическими изменениями в Венгрии и Югославии. К сожалению, автору статьи неизвестны материалы источников, которые позволяли бы это выяснить⁴³. Но это будет возможным при рассмотрении следующей проблемы.

Анализируя последствия территориальных уступок, явившихся следствием Второй мировой войны, мы должны еще раз вернуться к польским делам. Решением Союзников Польша утратила треть своей территории на востоке в пользу соседствующих с ней советских республик — Литвы, Белоруссии, Украины и одновременно получила значительный территориальный прирост на западе за счет Германии. В обоих случаях уступки территории охватили практически все культурное наследие переданных земель, оставляя вопрос о возможных репатриациях для более поздних двусторонних согласований. С одной стороны, Польша утратила свое многовековое наследие на востоке, а с другой, побогатела на такое же древнее немецкое наследство на западе. Здесь надо еще указать на существенную разницу, которая имела место между рассматриваемыми территориальными изменениями и практически всеми происходившими до этого уступками, поскольку она изменила “направление” требуемой репатриации. Так вот, изменения границ после Второй мировой войны повлекли за собой переселение огромного большинства жителей — немцев на запад, в Германию, а поляков с востока в Польшу. В обоих случаях наследие, переданное вместе с территорией, оказалось в чужом, в культурном отношении, государстве, лишенным своих есте-

ственных носителей, владельцев и опекунов. В итоге это породило с польской стороны стремление переместить это наследие вслед за жителями на новые места их расселения.

Принятые вместе с бывшей немецкой территорией немецкие культурные ценности были практически полностью национализированы в 1945 и 1946 годах⁴⁴, причем правительства ни бывшей Германской Демократической Республики, ни Федеративной Республики Германии никогда официально не предъявляли на них претензий. Причиной этого были скорее всего огромные размеры уничтожения польской культуры, причиненные гитлеровской оккупацией в Польше. По польской инициативе была лишь предпринята в 1954 году попытка обмена с тогдашней ГДР 117 картин немецких художников на архитектурные планшеты варшавских сооружений XVIII в., которые были необходимы для восстановления города после войны⁴⁵.

Иначе пошли дела, связанные с культурным наследием областей, переданных Польшей бывшему СССР. Первоначально польская сторона предполагала перемещение польских культурных ценностей из этих районов вместе с населением. В договорах о границах не были предусмотрены никакие иные вопросы, кроме чисто территориальных и пограничных⁴⁶. Требующие решения дальнейшие вопросы, прежде всего репатриация населения и его имущества, неоднократно поднимались в особых договорах в 1944, 1945 и 1956 гг. Проблема культурных ценностей была урегулирована, но только в очень узких пределах, исключительно в договорах, заключенных в 1944 г. с тремя советскими республиками, граничащими с Польшей⁴⁷. Примером соответствующей записи, схожей по содержанию в каждом из договоров, может быть ст. 3 договора с Белоруссией. На основе ее эвакуируемым разрешалось вывозить в страну переселения “произведения искусства и памятники старины, если первые или вторые составляли коллекцию или существовали в отдельных экземплярах”, являлись семейной собственностью и вместе со всем багажом не превышали допустимого веса двух тонн на одну семью (ст. 3 п.п.2 и 4). Протокол договора дополнительно предусматривал, что священники, эвакуирующиеся в Польшу вместе с приходскими, могли забрать с собой оборудование костела и предметы культа. Таким образом, как из этого видно, репатриация культурных ценностей допускалась только в очень узких пределах. Она касалась только личного и церковного имущества репатриантов. Кроме того, ограничивалось количество вывозимых предметов путем установления вагон-

ного лимита, что якобы было следствием транспортных трудностей⁴⁸. Договора, заключаемые позже, не допускали репатриации даже личных культурных ценностей⁴⁹.

Несмотря на отсутствие формальных условий, в Польше не отказались, однако, от подготовки к репатриации культурных ценностей в большом масштабе, прежде всего, общественных собраний, которые в ряде случаев имели общенациональное значение. Репатриация, по замыслу, должна была восстановить целостность национального культурного наследия Польши на принципах связи собраний, которые в результате изменений границ оказались за рубежом, с польским *“patrimoine intellectuel”*. В ст. 1 проекта соответствующего договора с тогдашней Украинской Советской Социалистической Республикой эти предложения были сформулированы следующим образом: “В связи с окончательным урегулированием государственной границы и взаимным обменом населением между обоими государствами, считая, что создания национального духа, а значит, и культурные ценности, являются собственностью данного народа безотносительно к месту, где они были произведены, [...], а также желая подчеркнуть братские отношения, связывающие оба народа, договаривающиеся стороны соглашаются на репатриацию со своих территорий культурных ценностей”⁵⁰.

А вот что говорится в польско-украинском договоре 1992 года⁵¹. В ст. 13 п. 4 читаем: “Стороны будут обеспечивать надлежащую правовую, материальную и иную охрану находящихся на их территории ценностей, исторических памятников и объектов, связанных с культурным и историческим наследием другой стороны, а также будут действовать в интересах их выявления, сохранения, объединения в одно целое, введения в культурный оборот, включая свободный доступ к ним”. Некоторые далее следующие и связанные с репатриацией записи содержит подписанное в то же время соглашение о культурном сотрудничестве. Но в принципе это соглашение касается только отдельных объектов, представляющих исключительное значение для другой стороны⁵². Несмотря на допущение этих исключений, цитируемые записи в конечном итоге однозначно доказывают применение в рассмотренных договорах принципа территориальной связи, даже в случае переселения людей в больших масштабах. Главной проблемой стали уже не споры о том, что кому возвращать, а как сохранить и сделать доступным то, что осталось после военных катаклизмов и переселений.

Возникшие польско-немецкие или польско-украинские проблемы, однако, много теряют в своей значимости перед лицом новых проблем, которые вызвал распад Советского Союза и Югославии. Здесь можно говорить о начале очередного периода регулирования проблем наследия в связи с территориальными изменениями на нашем континенте. По сравнению с предыдущими, он охватит, наверняка, значительно большие территории и большее, чем прежде, число государств.

Первые шаги в этом направлении были сделаны во время встречи в 1992 г. президентов 11 государств — бывших союзных республик, в настоящее время членов Содружества Независимых Государств. Тогда был подписан договор “О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения”⁵³. В нем во введении имеется ссылка на резолюцию ООН по вопросу возвращения культурных ценностей в страны их происхождения, а также на Парижскую конвенцию 1970 г.⁵⁴, и подтверждение, что возврат народам их произведений искусства, памятников, музейных экспонатов, архивных рукописей, документов и других предметов культуры и искусства в полной мере послужит возрождению национальных культур, охране и дальнейшему развитию совместных культурных ценностей и будет благоприятствовать укреплению сотрудничества между независимыми государствами. В следующих нескольких статьях документа государства согласились сотрудничать в вопросах возвращения культурных и исторических ценностей (ст. 1) и решили создать на принципах равноправия международную комиссию для определения механизма и практических принципов возврата этих ценностей государствам-членам Содружества (ст. 2). Каждое из государств должно было, кроме того, создать собственную комиссию в целях подготовки документации, касающейся культурных ценностей, находящихся на его территории и других государств (ст. 3), а также обеспечить экспертам национальных комиссий возможность взаимного ознакомления с собраниями государственных музеев, библиотек и архивов (ст. 4), обеспечив при этом безопасность находящихся на их территориях культурных ценностей, принадлежащих другим государствам (ст. 5). Этот договор не получил, однако, одобрения Верховного Совета Российской Федерации и поэтому не вступил в силу по отношению к России. Затем заинтересованные государства в очередной раз подняли этот вопрос, включая его в подписанный еще в том же году обширный договор о культурном сотрудничестве в рамках Содружества Независимых Государств⁵⁵. В

нем была заключена общая формула, выражающая необходимость создания межгосударственной комиссии экспертов с целью рассмотрения проблем и подготовки общественного мнения, касающихся реституции культурно-художественного наследия на основе двух- или многосторонних договоров, заключенных в соответствии с собственными правовыми системами и нормами международного права (ст. 4). На основе этой записи представители шести государств (без России)⁵⁶ разработали несколько вариантов проекта договора, имевшего целью создание такой комиссии и определение ее задач и необходимых процедур. Он определял бы также рамки проектируемой репатриации, в том числе, кроме прочего, раздел собраний, вывезенных во время войны из Германии в бывший СССР, собраний, которые принято считать репарациями за утраченные во время войны ценности каждого из заинтересованных государств. Кроме того, предлагалось сделать возможным участие в работе комиссии также представителей государств, которые принадлежали к бывшему СССР, но не вступили после его распада в Содружество. Представленные проекты были негативно охарактеризованы компетентными российскими инстанциями, рекомендовавшими своему правительству начать переговоры о репатриации исключительно в двусторонней плоскости⁵⁷. Это практически привело к блокированию возможности объединенного решения проблемы репатриации культурного наследия в рамках Содружества. Процесс был также усложнен введением в действие специальных декретов президента Ельцина “Об особо ценных объектах культурного наследия народов России”⁵⁸. Тем не менее, несмотря на эти трудности, заинтересованные государства не отказались от совместных усилий в пользу репатриации. В мае 1997 г. на заседании заместителей министров культуры стран Содружества в Киеве они смогли включить в постановление о культурном сотрудничестве пункт о важности сотрудничества в области репатриации культурных ценностей.

На основании вышесказанного можно констатировать, что намерением государств Содружества является стремление исходить при разделе культурного наследия, накопленного СССР, из принципа принадлежности к национальному достоянию каждой из заинтересованных стран. Как показывает опыт некоторых национальных комиссий, это, кроме всего, продиктовано трудностями в предоставлении документации, подтверждающей достаточно достоверно историю большинства интересующих их объектов.

Если процесс репатриации явно начался в странах бывшего СССР, то трудно пока что-либо сказать на тему подобных попыток на территории бывшей Югославии. Там возникло несколько новых государств, решительно заинтересованных в создании ярко выраженного культурного самосознания. В своей политике они наверняка будут ссылаться на национальное культурное достояние. Известно, однако, что во время войны многое из него подверглось уничтожению, а многое, иногда целые музеи, перемещалось⁵⁹. Угроза возобновления военных действий является там настолько реальной, что не дает пока возможности предпринять более комплексные и решительные меры для решения данной проблемы. Это, однако, не означает, что в указанной сфере не ведется определенная подготовка. Например, уже в сентябре 1992 г. на конференции в Брюсселе представители Хорватии предъявили требование репатриации в свою страну всех архивных документов, “забранных в Федеративную Республику Югославию в период между 1 декабря 1918 г. и 31 декабря 1991 г.” Остальные архивы предлагается признать общими и передать в совместное управление всех государств-правопреемников⁶⁰. Эти предложения являются вступлением к несомненно длинным и трудным переговорам.

Проделав анализ содержания и выполнения договоров, можно приступить к формулированию возникающих на этом фоне выводов. Таким образом, как договорный материал, так и практика последних 150 лет позволяют со всей уверенностью сказать, что уступки территории и распад многонациональных государств практически всегда влекут за собой необходимость проведения определенного “сведения счетов” в области культурного наследия. Притом это абсолютно автономные вопросы, которые, несмотря на многочисленные сходства в поставленных целях и применяемых решениях, не должны объединяться с другими вопросами международного права, касающегося защиты культурных ценностей — например, проблемой возвращения этих ценностей в бывшие колонии или их реституции, как следствие военных грабежей. В пользу своеобразия этой проблематики свидетельствует как специфика этого вида изменений правового положения, так и принятая уже система применяемого в таких ситуациях правового регулирования. Как следствие территориальных уступок обычно наступает возвращение земель в первоначальный государственный организм; при распаде многонационального государства обычно получают независимость государства, уже когда-то существовавшие. В обоих случаях мы имеем дело

с отчетливо и давно сформированными государственными традициями, связанными с ними и даже подчеркивающими их культурными наследиями⁶¹. Необходимость урегулирования вопросов наследия является в этой ситуации естественной и очевидной, а следовательно, должна быть также естественным элементом общей программы правопреимства. Поэтому правильно, что эта проблема все чаще обсуждается отдельно в широких по тематике трудах, касающихся права, относящегося к культурным ценностям, хотя не всегда эта специфика достаточным образом акцентируется, особенно в более ранних работах⁶². Но она также должна последовательно отражаться под только себе присущим названием. Я думаю, что наиболее соответствующим термином была бы тут “репатриация” в значении возвращения на “родину” (“*patria*”), т.е. на родину, понимаемую все-таки как государство⁶³. Такое понимание данного понятия означало бы одновременно, что мы входим в область регулирования международного права, чем эта репатриация и отличалась бы от репатриации культурных ценностей автохтонных народов, живущих в границах одного и того же государства⁶⁴. Принятие термина, отчетливо идентифицирующего конкретное фактическое состояние и юридическую проблему, каковой является репатриация культурного наследия в связи с уступками территорий и распадом многонационального государства, являлось бы также шагом в направлении решения проблемы неопределенности и неоднозначности, и, как следствие, достаточно повсеместного смешения понятий и соответствующих им правовых концепций в области урегулирования статуса культурных ценностей. Как пишут Протт и О’Киф, это явление серьезно затрудняет развитие данной области права⁶⁵. Единственным выходом из такой ситуации может быть именно точная идентификация однородных случаев, которые делают возможным применение подобных правовых инструментов. К таким понятиям уже принадлежат несомненно “реституция” и “возврат” — первое достаточно последовательно применяется для обозначения ситуации возвращения культурной ценности, захваченной противоправно⁶⁶, второе — для возвращения культурных ценностей государствам их происхождения, прежде всего, в колониальном аспекте, а также и в контексте нелегального экспорта.

Если мы согласимся принять таким образом понятую репатриацию как *sui generis* восстановления культурного наследия в ситуациях, точно определенных выше, то это открывает путь к постановке вопроса о том, чем характеризуются правящие им особые юридические принципы.

Из анализа описанных международных договоров однозначно следует, что установлению списка объектов, подлежащих репатриации, чаще всего служит принцип территориальной связи данного произведения. На это непосредственно указывают положения договоров, в большинстве своем предписывающие возврат объектов, перемещенных с уступленной территории. Он, этот возврат, одновременно имеет чисто “технический” характер, поскольку в сущности является только одним из способов установления связи произведения с конкретным культурным наследием. Этот принцип встречается чаще других, поскольку с практической точки зрения применение его является наиболее простым, если, конечно, существует соответствующая документация. И только отсутствие такой документации вынуждает исходить из более общего критерия, каковым является принадлежность к “*patrimoine intellectuel*” данного государства.

Критерием иного типа, позволяющим определить пределы предполагаемой репатриации, является указание границы времени, когда объекты покинули данную территорию или перестали быть составной частью данного наследия (в физическом смысле). Встречающиеся в рассмотренных договорах соглашения в этой области вводили очень разные пределы, чаще всего в несколько десятков лет, а также и дату 1 января 1772 г. или же, как в венгерско-австрийском договоре, вообще не устанавливали никаких сроков. Поэтому мы можем признать принцип отсутствия заранее установленного предела времени, превышение которого сделало бы невозможным формулировку ходатайства о репатриации.

Как своего рода “укрепление” эффективности реализации этих принципов можно указать на два правила, которые применялись в некоторых договорах. Первое можно бы было назвать принципом “последовательной репатриации”, когда объект, уже однажды переданный определенному государству, станет подвергаться очередной репатриации в связи с осуществлением дальнейших территориальных изменений. Другими словами, наследие “идет” за территорией, как в случае ст. 12 договора о мире с Италией 1947 г. Эта оговорка, так же, как и ст. XI п. 7 Рижского договора, позволяют выделить второй случай усиления эффективности репатриации. Речь идет о правиле, которое заключается в обязанности передачи предмета подобной “научной или художественной ценности”, если объект, на который распространяются требования, не может быть репатрирован. Таким образом, здесь мы

имеем дело с так называемой вспомогательной репатриацией, по аналогии с ситуацией невозможности возвращения объектов, подлежащих реституции вследствие военного грабежа⁶⁷.

Для полноты картины юридических рамок репатриации следует упомянуть о ее ограничениях. Они вытекают прежде всего из принципа охраны коллекций, имеющих “мировое значение”⁶⁸. Нельзя, однако, согласиться с абсолютным характером этого принципа, поскольку он сам подвергался ограничению, например, в случае объектов, “тесно связанных с историей и культурой” страны, помогающей их репатриации⁶⁹. В этом контексте определенным ограничением может быть также применяемый обычно в рассмотренных условиях принцип одновременной охраны национального культурного наследия всех заинтересованных сторон, на практике называемый принципом взаимности. Очень часто имеются основания для одновременного причисления объекта не только к одному национальному наследию, что делает невозможным репатриацию. Как это следует из венгерско-австрийского договора, в таких случаях возможно принятие компромиссной концепции — создание собрания, представляющего совместное наследие, распоряжение которым может осуществляться установленным образом.

Заканчивая обоснование данных принципов, следует, наконец, задать себе вопрос: являются ли они (и вместе с ними репатриация как таковая) только проявлением определенной, хотя и последовательной практики или же они представляют собой уже принятый и повсеместно одобренный международный обычай. Другими словами, является ли подробно рассмотренная выше деятельность государств одним из источников права, определенных в ст. 38 Устава Международного трибунала юстиции?⁷⁰

По моему убеждению, многое в данном случае склоняет к утвердительному ответу. Сильным аргументом здесь является, прежде всего, длительная и последовательная практика государств. В течение последнего почти полутора столетия таким образом решались практически все проблемы культурного наследия, являющиеся следствием территориальных уступок и распада многонациональных государств. Неоднократно это было результатом длительных и трудных переговоров, но всегда, даже при откладывании решения на более длительный период, достигалось окончательное решение. Больше сомнений возникнет при оценке состояния развитости этой обычной нормы с точки зрения необходимой в таком случае *opinio juris sive necessitatis*. Во исполнение

этого требования можно привести два доказательства. Первым и непосредственным будет принятие Конвенции о правопреемстве государств в области государственной собственности, архивов и долгов⁷¹. Кроме архивов прямо в ней не говорится о преемственности культурных ценностей, но движимое имущество, а значит, и подобные ценности государства-предшественника, она признает за государством-правопреемником по принципу территориальной связи, т.е. методом, полностью совпадающим с принципами репатриации. Причем это касается как распада государств, так и уступок территории⁷². Таким образом, этот принцип, как таковой, был одобрен международным сообществом, хотя значение этого одобрения уменьшается из-за того, что это конвенция, которая еще не начала действовать⁷³. Несмотря на этот недостаток, обусловленный текущими интересами некоторых государств, считается, что конвенция является “прогрессом в развитии международного права благодаря обеспечению большей правовой безопасности в рамках регулируемой проблематики”⁷⁴. Второй аргумент имеет косвенный характер и вытекает из всеобщего признания права каждого государства на защиту своего национального культурного наследия⁷⁵. Репатриация является инструментом реализации данного права в ситуации распада государства и территориальных уступок подобным образом как, например, реституция реализует его в случае военного грабежа. И репатриация, и реституция уже давно являются признанными коррелятами этого права, и каждая в соответствующей ей ситуации имеет целью реконструкцию — реинтеграцию культурного наследия. Согласно оценкам доктрины, эти институты сегодня даже дополняются очередными притязаниями на возврат культурных ценностей, экспортированных без разрешения, а также возврат этих же ценностей, утраченных в период колониального доминирования. Все они вместе, независимо от терминологических дискуссий и разницы в подходе и интерпретации специальных вопросов, составляют общий принцип восстановления утраченного наследия, который уже хорошо развит как принцип обычного права. Международное право, как подчеркивается, не может отражать существующее “соотношение сил” в мире, но в рассматриваемом контексте оно должно создавать новый международный культурный порядок⁷⁶. Одновременно это не исключительно теоретический постулат, поскольку таким образом все чаще определяется направление действительного развития международного права. Если бы в свете его нынешнего состояния еще нельзя было бы признать репат-

риацию обязательной нормой обычного права, то проблемы, требующие решения, должны будут, кстати, не впервые, как на это указывает широкая практика, подождать еще своего неизбежного времени. Ведь временные ограничения в данных вопросах не действуют.

¹ В ситуациях такого рода автор этой статьи предлагает применять термин “репатриация”, целиком учитывая предложенное Л.Проттом различие притязаний по возвращению культурных ценностей автохтонным племенам, которые являются предметом внутреннего права, и межгосударственных требований, остающихся областью международного публичного права. Prott I.V. Repatriation of Cultural Property // University of British Columbia Law Review. 1995. Special issue. P. 45.

² Мирный договор между Австро-Венгрией и Италией, подписанный в Вене 3 октября 1866 г. Martens Ch. de, Cussy F. de. Recueil manuel et pratique de traites, conventions et autres actes diplomatiques [...] 2e série, par F.H.Gefeken. Vol. I. Leipzig, 1885. P. 387.

³ Ввиду значительности этого прецедента стоит привести всю статью в оригинале: “Les archives des territoires cédés contenant les litres de propriété, les documents administratifs et de justice civile, ainsi que les documents politiques et historiques de l’ancien République de Venise, seront remis dans leur intégrité aux Commissaires qui seront désignés a cet effet, auxquels seront également consignés les objets d’art et de science spécialement affectés au territoire cédé”.

⁴ См. ст.ст. 3, 4 и 5. Convention pour régler les questions financières pendantes entre les deux Pays á la suite des articles 6, 7 et 22 du traité de paix du 3 octobre 1866 [...] Florence du 1 janvier 1871 G.F.Martens // Nouveau recueil général de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international. 2e série. Vol. I. Goetingue, 1876. P. 328 и следующие.

⁵ Op.cit.,см. Protocole additionel. P. 328 и сл. Следует добавить, что картину до сегодняшнего дня можно увидеть во флорентийской галерее Pitti под названием Madonna del Granduca.

⁶ Arnoux H. de. Objets et monuments d’art devant le droit des gens. Paris, 1934. P. 56.

⁷ Treaty of Peace between the Allied and associated Powers and Austria, signed in Saint-Germain-en-Laye on September 10, 1919 // British and Foreign State Papers. Vol. 112. P. 317. Цит. далее как: “Сен-Жерменский договор”.

⁸ Traité de paix entre les Puissances Alliées et Associées, et la Hongrie, signe a Trianon du 4 juin 1920 // Societe des Nations-Recueil des Traités. 1920. Vol. I. No 10. Цит. далее как: “Трианонский договор”.

⁹ Таким образом, речь могла бы идти о конкретизации соответствующих соглашений IV Гаагской конвенции о правах и обычаях сухопутной войны и приложенного к ней регламента. В ст. 27 он предписывает в ходе военных действий предпринимать “... все необходимые меры, чтобы по мере возможности были сохранены культовые сооружения, здания, служащие целям науки, искусства и благотворительности, исторические памятники”. А согласно статьи 56 регламента во время военной оккупации всякая “общинная собственность, собственность церковных, благотворительных, воспитательных учреждений, а также художественных и научных учреждений, хотя и принадлежащих государству, будет трактоваться как частная собственность. Какое-либо наложение ареста, уничтожение или сознательная профанация учреждений этого типа исторических

памятников, произведений искусства и науки запрещены и должны быть наказуемы”. См.: *Convention concerning the Laws and Customs of War on Land*. The Hague, October 18, 1907 // *Consolidated Treaty Series*. Vol. 205. P. 277.

¹⁰ В ней говорилось, что: “Австрия признает свои обязанности по отношению к Италии по исполнению обязательств, предусмотренных статьями XV Цюрихского договора от 10 ноября 1859 г., статьями XVIII Венского трактата от 3 октября 1866 г., а также Флорентийской конвенцией от 14 июля 1868 г., заключенных между Италией и Австро-Венгрией, если упомянутые статьи не были еще в действительности полностью выполнены и если документы, а также предметы, о которых говорится в этих статьях, находятся на территории Австрии или ее союзников”.

¹¹ Полный список требований всех государств содержится в приложении от I до IV к Сен-Жерменскому договору.

¹² Как сообщает Ch. de Visscher, это были адвокаты: Hugh A. Bayne из Нью-Йорка, J. Fischer Williams из Лондона и Jacques Lyon из Парижа. См. Visscher Ch. de. *Les monuments historiques et les oeuvres d'art en temps de guerre et dans les traités de paix // La protections des monuments et oeuvres d'art en temps de guerre*. Manuel technique et juridique. Paris, 1939. P. 155. Трудности, с которыми они столкнулись в своей работе, описал один из них под псевдонимом “O”, см.: “O”. *International Arbitration under the Treaty of Saint-Germain // British Year Book of International Law*. Vol. 4. 1923–1924. P. 124 и сл.

¹³ Тогда были забраны 66 картин таких художников, как Беллини, Тинторетто, Веронезе, включая скульптуры и манускрипты. Полный перечень этих объектов публикует H. Tietze: *Die Entführung von Wiener Kunstwerken nach Italien*. Wien, 1919. S. 45 и сл.

¹⁴ Особая конвенция, имеющая целью решение споров, касающихся исторического и художественного наследия Австро-Венгерской монархии, подписана в Вене 4 мая 1920 г. Fidler W. (Hrsg). *Internationaler Kulturgüterschutz und deutsche Frage*. Berlin, 1991. S. 259 и сл.

¹⁵ Ценой компромисса было, кроме всего, оказание поддержки Австрии в переговорах с другими государствами. Уже в ст. 1 конвенции итальянцы констатировали, что “... следует избегать, в высших и общих интересах цивилизации, рассеивания исторических, художественных и археологических собраний Австрии, которые в качестве единого целого являются эстетическим и историческим комплексом, славным и неделимым”.

¹⁶ Соглашение между Австрийской республикой и Чехословакией о выполнении Сен-Жерменского договора, 18 мая 1920. Fiedler W. (Hrsg). *Internationaler...* S. 266 и сл.

¹⁷ См.: Конвенция между Австрией, Венгрией, Италией, Польшей, Румынией, Королевством Сербов-Хорватов и Словенцев и Чехословакией, касающаяся архивных вопросов, подписана в Риме 6 апреля 1822 г. // *Dziennik Ustaw* [Далей DU]. 1924. Nr 23. Poz. 247. Архивный договор между Республикой, подписанный в Вене 26 октября 1932 г. // DU. 1933. Nr 34. Poz. 291. Ряд предметов получил тогда Музей Войска польского в Варшаве. См., напр.: *Katalog zbiorów*. Wiek XVII. Warszawa, 1960. S. 151 и сл.

¹⁸ Однозначно такую цель рассмотренных оговорок договора подтверждает, в частности, de Visscher, озаглавливая свои рассуждения на эту тему: *Le Traité de Saint-Germain et le principe de la reconstitution du “patrimoine artistique et intellectuel”*. См.: Visscher Ch. de. *Les monuments...* P. 153. Подобным образом оценивает их S.E. Nahlík: *Grabież dzieł sztuki. Rodowód zbrodni międzynarodowej*. Wrocław; Kraków, 1958. S. 246.

¹⁹ Это решительно подчеркивает H.Nieć, см. Nieć H. *Ojczyzna dzieła sztuki. Międzynarodowa ochrona integralności narodowej spuścizny kulturalnej*. Warszawa; Kraków, 1980. S. 149.

²⁰ Вместе с упоминаниями на тему принципа взаимности в цитируемых выше договорах в договорах ему посвящены особые положения. На основании ст. 193 Сен-Жерменского договора и ст. 178 Трианонского договора, “вновь возникшие государства, выделившиеся из бывшей Австро-Венгерской монархии, а также государства, которые получают часть территории этой монархии, обязуются вернуть Правительству” Австрии и Венгрии “материалы, документы и исторические памятники, происхождение которых не превышает двадцатилетнего периода давности и которые непосредственным образом связаны с историей или управлением территорией”, австрийской или венгерской, “и возможно находятся на переданных территориях”.

²¹ Трианонский трактат в ст. 177 в конце непосредственно указывал на возможность начала переговоров на эту тему. См.: “Венгрия со своей стороны будет иметь право предлагать соответствующим государствам, в особенности Австрии, проведение переговоров, имеющих целью заключение международных договоров по вопросу возврата в пользу Венгрии собраний, документов [...], которых касаются гарантии, предусмотренные в пункте “b”. Речь шла о гарантии неприкосновенности этих собраний со стороны Австрии в течение 20 лет, см. ст. 177 b, цит. выше.

²² Договор был подписан Австрийской Республикой и Венгерским Королевством 27 ноября 1932 г. в Венеции. См.: *Übereinkommen zwischen der Republik Österreich und dem Königreiche Ungarn, betreffend Museale und Bibliotheksbestände*. Gezeichnet in Venedig, am 27. November 1932 // *League of Nations Treaty Series*. No 3753. 1935. P. 396 и сл.

²³ Это подтверждают обе договаривающиеся стороны, подчеркивая однако трудности в переговорах. См. с австрийской стороны: Tietze H. *L'accord austro-hongrois sur la répartition des collections de la maison des Habsbourg* // *Museion*, 1933. Vol. 23–24. P. 92, а также представитель австрийской делегации, цитируемый Тройе. Он констатировал, что: “венгерским притязаниям можно было противостоять только в нескольких случаях [...]”. Treue W. *The Fate of Works of Art in War, Revolution and Peace*. London, 1960. P. 229. Мнения с венгерской стороны см.: Petrovicz E. *A bécsi Magyar Örökség* // *Magyar Művészet*, Budapest, 1933. Old. 257 и сл. Этот автор цитирует даже слова венгерского министра культуры Балинта Гомана, который по случаю открытия выставки возвращенных собраний сказал: “Эти результаты быть может не отвечают полностью нашим идеалам — впрочем, трудно было этого ожидать от не слишком дружественных переговоров — но они удовлетворяют наши национальные амбиции и ни в коем случае не следует их недооценивать”.

²⁴ Этот аргумент и дальнейшие приводит H.Tietze: *L'accord...* P. 93. См. также пояснения, касающиеся переговоров, приведенные Petroviczem: *A bécsi...* Old. 257 и сл.

²⁵ Полный список переданных объектов приложен к договору, цит. в примечании 17. На уникальность такого собрания оружия обращает внимание Varju Elemér. *Varju E. Iparművészeti tárgyak és fegyverek* // *Magyar Művészet*. Budapest, 1933. Old. 271.

²⁶ В обоих оригинальных текстах договора, т.е. как в немецкоязычном варианте, здесь использовано французское определение “*patrimoine intellectuel*”. Ст. текст договора по примечанию 17.

²⁷ В дальнейшей цит. оговорка дает Венгрии право публикации отдельных объектов, относящихся к “*patrimoine intellectuel*” Венгрии “без специального разрешения”, а также уравнивая граждан обоих государств в праве посещения “австрийских союзных собраний”. В этом месте следует добавить, что признанные за Венгрией этим договором “преимущественные права” в основном умещаются в современные международные стандарты доступа к музейным собраниям.

²⁸ См. Заключительный протокол I, в котором читаем: “Во время переговоров, которые привели к заключению вышеупомянутого договора, Австрийское Союзное Правительство приняло во внимание, что Венгерское Королевское Правительство также требует выдачи короны Бочкая. Но Румынское Королевское Правительство внесло в связи с этим протест и, со своей стороны, потребовало выдачи этой короны. Австрийское Союзное Правительство не в состоянии удовлетворить венгерское требование. Поэтому оба правительства договорились, что вышеупомянутый вопрос останется открытым вплоть до времени обоюдоприемлемого выяснения основной проблемы и что до того момента теперешнее состояние будет сохранено”.

²⁹ Эти доспехи являются выдающимся образцом европейского оружейного дела эпохи Ренессанса и открывают список передаваемого Венгрии оружия, как: “*Rüstung Ludwig II., Saal XXV. Nr 69, Inv. Nr 112*”. См. список, приложенный к договору, цит. в ссылке 17. Указанное вместе с оружием обозначение зала и инвентаризационные номера помогли в точной идентификации этого объекта, тогда еще хранящегося в музее в Вене.

³⁰ Thomas B. *Der Knabenharnisch Jörg Seunesenhofers für Sigmund II August von Polen // Zeitschrift des deutschen Vereins für Kunstwissenschaft*. Bd. 6. Heft 4. Berlin, 1939. S. 1184. Следует еще дополнительно пояснить, что окончательное прочтение монограммы “SE” на доспехах не было очевидным также для венгерских специалистов. Например, Elemér Varju прочитывал эту монограмму скорее как призыв к Святому Эмерику (*Sanctus Emericus*), первому венгерскому королевичу. Varju E. *Iparművészeti... Old.* 273. Несмотря на проведение вышеописанной идентификации, доспехи по сегодняшний день экспонируются в Будапештском Национальном музее как вооружение Людовика II.

³¹ Автор статьи, пребывая в 1992 г. с официальным визитом в Венгрии в качестве полномочного представителя Правительства Республики Польша по вопросам польского культурного наследия за рубежом, поднимал этот вопрос в тамошнем Министерстве культуры. Тогда было получено обещающее предложение представить соответствующую документацию и начать переговоры. Позднейшие парламентские выборы в Польшу принесли, однако, смену на должности уполномоченного, и дело, как все на это указывает, не было продолжено.

³² Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany, signed in Versailles on June 28, 1920 // *British and Foreign State Papers*. Vol. 112. P. 1.

³³ Hollander B. *The International Law of Art for Lawyers, Collectors and Artists*. London, 1959. P. 32.

³⁴ Этот документ, озаглавленный “Меморандум, касающийся некоторых вопросов, связанных с репарациями и финансами”, частично показывает размеры культурной чистки, осуществленной Пруссией на переданных территориях в ходе их интенсивной и плановой германизации. Среди прочего в нем читаем: “Германия вернет Польше все

библиотеки, музейные коллекции, а также все художественные, научные и религиозные предметы, также как и исторические культурные памятники, которые по каким-либо причинам были описаны, конфискованы, забраны или вывезены в Германию либо немецкими общественными, гражданскими или военными чиновниками, либо частными лицами, немецкими гражданами с любой части территории Польши в любое время, даже если упомянутые предметы стали частью общественных или частных коллекций, находящихся теперь в Германии. Обязательство это применяется не только к собственности Республики Польша, но также к собственности польской Короны, а также общественных, религиозных, городских, научных и художественных учреждений, как и к собственности частных владельцев [...]”. Полный текст опубликован в: Burnett P. *Reparations at the Paris Peace Conference from the Standpoint of the American Delegation*. New York, 1940. Vol. I. P. 855–859.

³⁵ Ст. VI. “Польско-немецкие финансовые соглашения от 9 января 1920 года”. В кн.: *Rokowania polsko-niemieckie*. Warszawa, 1925. S. 15.

³⁶ См. параграф. 19 “Польско-немецкого соглашения о семейных ценностях от 16 декабря 1925 г.”// *DU*. 1926. Nr 17. Poz. 24.

³⁷ Договор о мире между Польшей, Россией и Украиной, подписанный в Риге 18 марта 1921 г. // *League of Nations Treaty Series*. Vol. 6. P. 51.

³⁸ Относительно договоров такого характера см. особенно: Visscher Ch. de. *Les monuments...* P. 163; Prott L.V., O’Keefe P.I. *Law and the Cultural Heritage*. Vol. 3 Movement. London and Edinburgh, 1989. P. 829; Chrzyszczewska J. *Une example de restitution. La traité de Riga de 1921 et le patrimoine artistique de la Pologne* // *Museum*. 1932. Vol. 17–18.

³⁹ Dokumenty dotyczące akcji Delegacji Polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie. Warszawa, 1922–23. Vol. I–VII.

⁴⁰ Причины таких слабых результатов переговоров объясняет найденный совсем недавно в московском архиве официальный, хотя и секретный, отчет главы российской делегации Петра Войкова. Он открывает закулисную сторону советских усилий по бойкоту переговоров и уменьшению сферы репатриации. Например, относительно возврата архивных документов Войков писал: “Наконец, вообще из всех передаваемых архивов мы изымаем все, что дало бы Польше возможность предъявления нам каких-либо финансовых либо имущественных требований. Все это делается вне соглашения с поляками и называется “стерилизацией архивов”. Работа эта достаточно тяжелая и чрезвычайно затрудняет быстрое экспедирование архивов. Но иначе невозможно, и без разрешения по данному делу Народного комиссариата финансов архив полякам не показывается”. Этот рапорт после получения его по неофициальным каналам из архива в Москве был полностью опубликован. См.: Kumaniecki J. *Tajny raport Wojkowa, czyli radziecka taktyka zwrotu polskiego mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim*. Warszawa, 1991. S. 171.

⁴¹ Treaty of Peace with Italy. Paris, 10th February 1947; Treaty of Peace with Hungary. Paris, 10th February 1947 // *Treaties of Peace with Italy, Roumania, Bulgaria, Hungary and Finland. Texts for signature in Paris on 10th February 1947*. London, HMSO, Cmnd. 7022. P. 117.

⁴² Подобный характер имела ст. 7 рассматриваемого договора, на основе которой Италия должна была передать Франции “все исторические и административные архивы, относящиеся к периоду до 1860 г., которые касаются территории, уступленной Франции в силу договора от 24 марта 1860 г., а также конвенции от 23 августа 1860 г.”.

⁴³ Никаких сведений на этот счет не приводит I. Vasarhelyi, который в качестве министра иностранных дел Венгрии наверняка имел доступ к таким источникам. См.: Vasarhelyi I. *Restitution in international Law*. Budapest, 1964.

⁴⁴ См.: Декрет от 2 марта 1945 г. об оставленном и брошенном имуществе // DU. 1945. Nr 9. Poz. 45; Декрет от 8 марта 1946 г. об оставленном и бывшем немецком имуществе // DU. 1946. Nr 13. Poz. 87. Законность этих правовых актов была в последнее время косвенно подтверждена решением суда в Стокгольме по делу гербовых таблиц ордена Иоаннитов (дело № Т 3-402-92), а также отказом в жалобе немецкого гражданина, заинтересованного возвратом имущества в Польше Конституционным Судом ФРГ (дело 1 Bvг 1268/91), а потом также Европейской комиссией по правам человека (заявление № 20931/92).

⁴⁵ См.: *Deutsche Malerei. Freundschaftsgeschenk. Des Polnischen Volkes an das Volk*. Ausstellung. Berlin, 1954. Позже Польша передала Германии сакральную скульптуру, принадлежащую одному из костелов в Герлиц (бывшая ГДР).

⁴⁶ См.: Соглашение между Польским комитетом национального освобождения и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о польско-советской государственной границе от 27 июля 1944 г. *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. Warszawa. 1974. Т. 8. S. 158.

⁴⁷ Такие договора были заключены 9.9.1944 г. с Белоруссией и Литвой, а 22.10.1944 г. с Украиной. См.: *Dokumenty i materiały...* S. 227.

⁴⁸ Можно указать еще и на другие ограничения, например, нельзя было вывозить мебель, в том числе историческую, “железнодорожным или автомобильным транспортом вследствие транспортных трудностей, вызванных военным периодом” (ст. 3. п. 4 h).

⁴⁹ Можно даже вести речь о постоянном уменьшении количества имущества, которое можно было вывозить несмотря на окончание войны. По договору, заключенному в 1956 г., можно было “без оплаты пошлины вывезти [...] имущество, предназначенное для личного пользования, вывоз которого [...] не запрещен” (ст. 8. п. а). Договор между Правительством Польской Народной Республики и Правительством Союза Советских Социалистических Республик по вопросу сроков и порядка дальнейшей репатриации из СССР в Польшу лиц польской национальности. *Dokumenty i materiały...* Warszawa. 1987. Т. 11. S. 122.

⁵⁰ См.: Соглашение между Польским комитетом национального освобождения и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о польско-советской государственной границе от 27 июля 1944 г. *Dokumenty i materiały...* Warszawa. 1974. Т. 8. S. 158.

⁵¹ Договор между Республикой Польша и Украиной о добрососедстве, дружественных отношениях и сотрудничестве, подписанный в Варшаве 18 мая 1992 г. Не публиковался.

⁵² См. ст. 5 соглашения: “2. [...] Стороны будут сотрудничать между собой в этой области, особенно в сфере объединения в одно целое художественных, библиотечных и архивных коллекций, рассеянных в результате исторических событий. 3. В соответствии с международными конвенциями ЮНЕСКО, а также иными договорами и международными стандартами [...] стороны предпримут шаги с целью выявления и возврата движимых памятников культуры, истории и архивистики другого государства”. Предвари-

тельное соглашение между Правительством Польской Республики и Правительством Украины по вопросу культурного и научного сотрудничества от 18 мая 1992 г. Не публиковалось.

⁵³ Договор о возвращении культурных и исторических памятников государствам их происхождения подписан в Минске 14 февраля 1992 г. Текст по: Российская газета. 1992. 24 февр.

⁵⁴ Конвенция, касающаяся средств, направленных на запрещение и предупреждение нелегального ввоза, вывоза и перемещения собственности в виде культурных ценностей, составлена в Париже 17 ноября 1970 г // DU. 1974. № 20. P. 106.

⁵⁵ Договор о сотрудничестве в области культуры, подписанный в Ташкенте 15 мая 1992 г. Не опубликован.

⁵⁶ Проекты анализировались, среди прочего, на встрече в Минске, в которой участвовали представители Азербайджана, Армении (в качестве наблюдателя), Беларуси, Казахстана, Молдовы, Туркмении и Украины. См: Протокол обсуждений, посвященных проблемам собственности произведений искусства. Минск, 11–12 января 1993 г. Не опубликован.

⁵⁷ См. циркулярное письмо заместителя министра культуры и туризма Российской Федерации Т.Никитиной к Правительству Республики Беларусь от 10 августа 1992 г. С. 2. Не опубликовано.

⁵⁸ Декрет № 1478 Президента Российской Федерации об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. См.: Циркулярное письмо заместителя министра культуры и туризма Российской Федерации Т.Никитиной от 25 декабря 1992 г. Не опубликовано. Этот документ принят в развитие более раннего декрета № 294 от 18 ноября 1991 г. об особо ценных объектах национального наследия России, который перечисляет 16 главных российских культурных учреждений и музеев, гарантируя “оставление их в нетронутom состоянии в интересах настоящего и будущих поколений россиян”.

⁵⁹ На тему военной судьбы культурного наследия на территории бывшей Югославии имеется уже много материалов. См., напр., документацию, подготовленную для Парламентского собрания Совета Европы. Council of Europe. Parliamentary Assembly. Information Report on the Destruction be War of the Cultural Heritage in Croatia and Bosnia-Herzegovina [...]. Strasbourg, 2 February 1993. Doc. 6756 и два последующие рапорта, от 17 июня 1993 г. (Doc. 6869 rev) и от 20 сентября 1993 г. (Doc. 6904).

⁶⁰ См. Šulc B. Restitution and Succesion of Cultural Property from Croatian Museums and Galleries // Informatica Museologica. 1992. Nr 23 (1–4). S. 16.

⁶¹ В этом заключается главная, по моему мнению, разница по сравнению с процессом деколонизации. См. сомнения по этому поводу: Prott I.V., O’Keefe P.J. Law and... P. 829.

⁶² См., напр., Nahlik S.E. Grabież... S. 230 и сл.; Engstler L. Die territoriale Bindung von Kulturgütern im Rahmen des Völkerrechts. Köln; Berlin; Bonn; München, 1964. S. 227 и сл.; Nieć H. Ojczyzna... S. 143 и сл.; Williams S.A. The International and National protection of Movable Cultural Property // A Comparative Study. New York, 1978. P. 18 и сл.; Prott L.V., O’Keefe P.J. Law and... P. 804; Siehr K. International Art Trade and the Law // Recueil des Cours. 1993. VI. P. 123 и сл.; Fiedler W. (Hrsg). Internationaler Kulturgüterschutz und deutsche Frage. Berlin, 1991. S. 74 и сл.

⁶³ См. замечания Мэрримэна на эту тему: Merryman J.H. Protection of the Cultural "Heritage"? // The American Journal of Comparative Law. Vol. XXXVIII. 1990. Supplement. P. 521. Я разделяю мнение автора о невозможности признания связи данного произведения с конкретным национальным наследием в качестве "автоматического" основания для его репатриации. Однако я считаю, что правовое регулирование вопросов наследия после распада многонациональных государств или территориальных уступок может, а часто даже должно принять такой критерий в качестве определяющего. Именно в этом заключается исключительность и специфика рассматриваемых ситуаций.

⁶⁴ Юридические акты, регулирующие этот аспект репатриации, действуют, в частности, в США и Канаде. См. на эту тему материалы двух конференций: Symposium: The native American Graves Protection and Repatriation Act of 1990 and State Repatriation-related Legislation // Arizona State Law Journal. 1992. Vol. 24. No 1; Material Culture in Flux: Law and Policy of Repatriation of Cultural Property // University of British Columbia Law Review. 1995. Special issue.

⁶⁵ Prott L.V., O'Keefe P.J. Law and... P. 922.

⁶⁶ Оно охватывает реституцию культурных ценностей, награбленных во время войны и украденных в мирное время.

⁶⁷ См. подробнее на тему вспомогательной реституции: Kowalski W. Restytucja dzieł sztuki... Главы II и III.

⁶⁸ Это экспонирует в своих выводах особенно Visscher Ch. de. Les monuments... P. 164.

⁶⁹ См. ст. XI п. 7 Рижского договора.

⁷⁰ Относительно принципов создания права этим путем см.: Góralczyk W. Prawo międzynarodowe publiczne w zarysie. Warszawa, 1996. S. 93 и сл.

⁷¹ Vienna Convention of Succession of States in Respect of State Property // Archives and Debts. UN Doc. A/Conf. 117/14, 7 April 1983.

⁷² См., напр., ст. 14, п. 2 b, ст. 15, п. 1d, ст. 17, п. 1b и ст. 18, п. 1c.

⁷³ Это подчеркивает в анализируемом контексте Siehr K.. International... P. 127.

⁷⁴ Williams S.A., Mestral A.L.C. An Introduction to International Law. Toronto; Vancouver, 1987.

⁷⁵ Это заметил еще до Второй мировой войны Ch. de Visscher, хотя, как кажется, без энтузиазма. Visscher Ch. de. Les monuments... P. 164.

⁷⁶ См., на эту тему, в частности: Engstler L. Die territoriale... P. 279; Prott L.V., O'Keefe P.J. Law and... P. 864 и сл., также с. 923; Fraona R. Le trafic illicite des biens culturels et leur restitution. Fribourg, 1985.

Перевел с польского языка Юрий Вашкевич

Сяргей БАГДАНОВІЧ (Магілёў)**Папярэднія вынікі пошуку крыжа Ефрасінні Полацкай**

У пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў Магілёўскім дзяржаўным музеі захоўвалася вялікая калекцыя гістарычных каштоўнасцей, якія з'яўляліся нацыянальным здабыткам нашай рэспублікі. Сярод іх — залатыя ўпрыгожванні з раскопак Пампеі, мітра архібіскупа Георгія Каніскага, залаты і сярэбраны ключы ад горада Магілёва, сярэбраная булава Сігізмунда III, збор старарукапісных кніг, грамат, бронзавыя і сярэбраныя ўпрыгожванні з каштоўнымі камянямі з раскопак курганоў, карціны-арыгіналы Баравікоўскага, Айвазоўскага, Рэпіна, вялікая нумізматычная калекцыя, іконы і многія іншыя прадметы мінуўшчыны.

Але галоўным гонарам музея быў крыж Ефрасінні Полацкай — дзівосны твор беларускага майстра Лазара Богшы. Выкананы з дрэва гроба Гасподня, пакрыты залатымі і сярэбранымі пласцінамі, аздоблены каштоўнымі камянямі, ён лічыўся нацыянальнай святыняй беларусаў, якая на працягу многіх стагоддзяў аб'ядноўвала іх у суровыя гады выпрабаванняў, радавала сваёй прыгажосцю. І вялікі праклён вісеў над тым, хто спрабаваў завалодаць ім. Нават Іван Жыхлівы не стаў трымаць крыж у сваіх сховішчах, вярнуў палачанам. Так і прайшоў ён з намі праз буры-стагоддзі.

Незадоўга да вайны ўся калекцыя каштоўнасцей, у тым ліку і крыж, была перанесена ў пакой-сейф Магілёўскага абкома партыі. І вось у гарачае лета 1941 г., калі фашысцкія захопнікі стаялі пад Магілёвам, ён разам з іншымі рэліквіямі бяспследна знік. З той пары лёс крыжа невядомы.

У той страшнай вайне адстаялі свабоду нашчадкі крывічоў і дрыгавічоў. Ды не забілі беларусы своечасова ў званы, каб пачаць пошук сваіх рэліквій. З той пары многа вады працякло ў сівым Дняпры. Толькі пасля абвяшчэння незалежнасці Беларусі сталі чутны нясмелыя заявы дзяржаўных дзеячаў пра неабходнасць вяртання нацыянальных здабыткаў. На жаль, сведкаў тых трагічных падзей становіцца ўсё менш, а сляды скаргаў, што зніклі, сціраюцца ўсё больш. Сёння іх спрабуюць знайсці многія грамадскія арганізацыі. Але пакуль што безвынікова.

Не стаў абыякавым да лёсу рэліквій і Камітэт дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь. Яго супрацоўнікі вядуць няспынны пошук Магілёўскага збору. І сёння можна сказаць пра яго папярэднія вынікі.

У ходзе пошуку было адзначана шмат версій пра абставіны знікнення каштоўнасцей. Правяралася, у прыватнасці, пашыранае меркаванне аб разрабаванні каштоўнасцей фашыстамі ў гады акупацыі. Аналізавалася таксама спрэчная думка пра тое, што крыж не пакідаў горада Магілёва, а схаваны дзесьці у яго падземных лабірынтах. Многа прыхільнікаў мела сцвярджэнне аб тым, што каштоўнасці не паспелі пераадолець мяжу нямецкага акружэння і былі схаваны недзе каля Крычава. Не адмаўлялася версія аб перадачы скарбаў у крытычны час магілёўскай абароны на захаванне святарам праваслаўнай царквы. Не заставалася па-за ўвагай і меркаванне аб знаходжанні крыжа ў замежных прыватных калекцыях. Пры аналізе і распрацоўцы гэтых версій ставілася наступная мэта: знайсці якія-небудзь дакументы аб перамяшчэнні рэліквій, а таксама сведкаў, якія маглі б праліць святло на далейшы лёс Магілёўскага збору. За перыяд незалежнасці Рэспублікі зроблена нямала. Прааналізаваны матэрыялы архіваў КДБ рэспублікі, Упраўлення КДБ па Магілёўскай вобласці і іншых дзяржаўных устаноў. На жаль, пакуль што патрэбных нам дакументаў, якія маглі б выявіць сляды рэліквій, знайсці не ўдалося. Адмоўныя адказы на нашы запыты прыслалі і многія афіцыйныя арганізацыі Расійскай Федэрацыі, у іх ліку — Цэнтральны аператыўны архіў ФСБ, Аб'яднаны дзяржаўны гістарычны музей г. Масквы, Цэнтральны расійскі банк і іншыя.

Больш плённым быў вынік пошуку сведкаў тых трагічных падзей. Нам удалося пагаварыць з былым дырэктарам гісторыка-краязнаўчага музея Іванам Сяргеевічам Мігуліным. Ён быў галоўным захавальнікам рэліквій, апошнім гаспадаром, ад якога крыж Ефрасінні незразумелым чынам знік. Іван Сяргеевіч падрабязна раскажаў пра абставіны эвакуацыі дзяржаўнай маёмасці ў першыя дні абароны, пра свае намаганні прыцягнуць увагу службовых асоб да пакоя-сейфа. Падазраваць яго ў нейкіх махінацыях з каштоўнасцямі няма падстаў, хаця паводзіны І. Мігуліна ў тыя часы сапраўды выклікаюць сёння многа пытанняў. Напрыклад, замест таго, каб паклапаціцца аб вывазе скарбаў з пакоя-сейфа, дырэктар-інвалід ідзе ў апалчэнне, а потым і зусім выезджае ў тыл са сваёй сям'ёй. Зразумела, што пасля вайны калегі па партыі наладзілі яму допыт: “Чаму кінуў каштоўнасці і дэзерціраваў у тыл”, “Куды падзеў залаты дзяржаўны фонд гістарычнага значэння”?! Адпаведная размова

адбылася і з супрацоўнікам Магілёўскага УКДБ Малчанавым. Здавалася б, пасля такіх абвінавачванняў можна было лёгка трапіць у які-небудзь “лаг”. Але абышлося вымовай па партыйнай лініі. Добра, што Іван Сяргеевіч хоць і па памяці склаў спіс каштоўнасцей, які, на нашу думку, далёка не адпавядае сапраўднай колькасці усяго збору. На жаль, і сёння мы не ведаем, колькі было там каштоўнасцей і якіх, але не губляем надзеі знайсці іх.

З дапамогай іншых сведкаў удалося падвергнуць таксама сур’ёзнаму сумненню афіцыйную версію аб разрабаванні каштоўнасцей фашыстамі. Сцвярджэнне аб тым, што дзвярныя замкі і краты сейфа выразаліся аўтагенам, не мае пад сабой падставы, паколькі яны былі зняты ўжо ў пасляваенны час і некаторыя супрацоўнікі рэдакцыі газеты “Магілёўская праўда” (яна размяшчалася ў гэтым жа будынку) бачылі іх без аніводнага пашкоджання. Дарэчы, краты і па сённяшні дзень ляжаць у падвале. Былая галоўная хавальніца музея Ніна Філімонаўна Мяснікова ў час акупацыі жыла насупраць былога абкома, сустракалася з некаторымі краянаўцамі, якія не паспелі эвакуіравацца. Яна ўдакладніла, што не чула размоў пра рабаванне каштоўнасцей фашыстамі. Ды і іх вываз з горада не мог застацца тайнай дзюх–трох чалавек, тым больш, калі ў так званай “операцыі” быццам удзельнічалі нашы суайчыннікі. Калі ж дапусціць, што адной з сумна вядомых каманд з арганізацыі “Штаб Розенберга” і ўдалося захапіць каштоўнасці, пэўна ж засталіся б сляды гэтай “дзеянасці” — спісы скарбаў. Улік немцы, трэба адзначыць, вялі скрупулёзна. Аднак сярод трафейных дакументаў такой інфармацыі адшукаць не ўдалося. Да таго ж, як сведчаць архівы УКДБ, розенбергаўскім рабаўнікам у нашым горадзе пажывіцца асабліва не было чым — практычна ўсё было вывезена ў час эвакуацыі. Таму ім давялося задаволіцца толькі каштоўнымі кнігамі з Магілёўскай дзяржаўнай бібліятэкі ды некаторай часткай гістарычнага архіва, аб чым сведчаць дакументы крымінальных спраў на фашысцкіх памагатых. У прыватнасці, былы перакладчык аддзела прапаганды нямецкай камендатуры М.Я.Сташэўскі на допыце паказаў: “... У лістападзе 1943 г. гарадская камендатура прызначыла мяне адказным за эвакуацыю ў г. Беласток кніг магілёўскай бібліятэкі. Было адабрана і запакавана 300 скрынь (прыблізна 40 тысяч кніг), якія былі пагружаны ў 4 вагоны і накіраваны ў Беласток”. Хутчэй за ўсё, гэта і нарадзіла чутку аб вывазе каштоўнасцей з пакоя-сейфа.

Далей, не пацвердзіла наша меркаванне пра тое, што рэліквіі маглі быць перададзены ў банк (усё ж золата і срэбра было там дастаткова)

Вера Мартынаўна Галубец, якая да пачатку абарончых баёў за Магілёў працавала ў абласным банку ў якасці загадчыцы асобага сектара. Яна ажыццяўляла кантроль за перамяшчэннем усіх фінансавых дакументаў і грошай. Дык вось, Вера Мартынаўна сказала, што ніякія прадметы і каштоўнасці рэлігійна-культывага прызначэння ў той час у банк не паступалі. З апошняй машынай банкаўскіх грошай яна выехала ў горад Тамбоў.

Аднак самымі каштоўнымі для нас былі звесткі Пятра Харытонавіча Паддубскага, які адгукнуўся на адзін з нашых артыкулаў аб пошуку крыжа. На сустрэчы ён сцвярджаў, што менавіта яму дасталася пачэсная місія выратавання магілёўскіх скарбаў. А было гэта, па яго словах, так.

Вайна застала чырвонаармейца Паддубскага ў Магілёве, дзе ён служыў вадзіцелем. У самы гарачы момант баёў за горад яго выклікаў камендант Ваяводзін і загадаў вывезці нейкі каштоўны груз. Які — не сказаў. 13 ліпеня ён падагнаў да будынка абкома машыну, у кузаў якой людзі ў цывільным пачалі загрузаць клункі і мяшкі. Пятру Харытонавічу, які стаяў непадалёк ад машыны, добра запамяталася фраза аднаго з іх: "Які крыж прыгожы!". Потым груз пад ахову ўзялі супрацоўнікі НКДБ на чале з маёрам. Да машыны Паддубскага далучыліся дзве палутаркі з банкаўскімі каштоўнасцямі. А ў кабінку да яго сеў Панцеляймон Кандратавіч Панамарэнка, першы сакратар ЦК КП(б)Б, пасля чаго калона рушыла ў дарогу. Маршрут да Масквы быў вельмі складаны: часта бамбілі варожыя самалёты. Але груз праз два дні быў дастаўлены ў расійскую сталіцу ў упраўленне Чырвонай Арміі, будынак якога размяшчаўся на Ленінскіх гарах. Аб тым, што іменна ў гэты час яны выязджалі з горада, пацвердзілі пазней у сваіх успамінах Панамарэнка і Ваяводзін. Як сведчаць архіўныя матэрыялы, дазваляла гэта зрабіць і аператыўная абстаноўка на фронце 13–15 ліпеня. Куды затым накіраваўся каштоўны груз, Паддубскі не ведаў, бо вадзіцеляў гэтых машын адразу адправілі ў розныя воінскія часці.

Такім чынам, з пэўнай доляй упэўненасці можна сказаць, што Магілёўскі збор у пачатку вайны знайшоў свой прытулак у Маскве. А далей? Дзе ж усё-такі згубіліся сляды скарбаў Магілёўскага музея? Існуе меркаванне спецыялістаў, што яны "паплылі" за акіян па ленд-лізу і з той пары крыж знаходзіцца ў калекцыі Морганаў. Цэнтральнае беларускае бюро Інтэрпола, куды мы звярнуліся за дапамогай, пакуль што станоўчага адказу не дало. З другога боку, вядома, што былы СССР так і не расплочваўся з сваімі саюзнікамі за дапамогу ў час вайны. Аднак,

калі і дапусціць, што нейкі гандаль каштоўнасцямі адбыўся, то перад гэтым яны абавязкова павінны былі прайсці паўз вопытных вочы экспертаў. І ўжо такія рэліквіі, як крыж Ефрасінні Полацкай ці залатыя ўпрыгожанні з раскопак Пампеі, з-за іх вялікай гістарычнай каштоўнасці ні ў якім выпадку не сталі б экспанатамі заходніх калекцый. Нельга выключачь, што іх далейшы лёс нейкім чынам можа быць звязаны з запаснікамі якога-небудзь музея. Так, сёння ў Брэсце заканчваецца праца над копіяй крыжа Ефрасінні. Калі мы пацікавіліся, адкуль узяліся негатывы, па якіх майстар узнаўляе твор Лазара Богшы, то даведаліся, што ў горад над Бугам іх прыслалі з ... Дзяржаўнага Эрмітажа. Цікава, як яны туды трапілі? Хто і калі фатаграфаваў крыж? У свой час з гэтага музея на наш запыт засведчылі пра чуткі аб “морганаўскім” следзе рэліквіі — і больш нічога. А можа ў ваенны час рэліквіі перавезлі далей на ўсход, у музейныя сховішчы Уфы ці Самары, дзе знаходзіліся архівы не толькі Магілёўскага абкома партыі, але і іншых афіцыйных арганізацый?!

З другога боку, каштоўнасці звозіліся ў Маскву як правіла з удзелам НКДБ. У нашым выпадку, па сведчанню П.Паддубскага, ахова была ўзброена аўтаматамі і пісталетамі. І гэта ў пачатку вайны, калі аўтаматная зброя была вельмі рэдкай з’явай. Значыць, там знаходзілася спецыяльная група, магчыма маскоўская. Адсюль вынікае, што Берыю павінны былі інфармаваць пра наш скарб. І не выключана, што нейкія каштоўныя прадметы з Магілёўскага збору маглі трапіць ці у рукі самога Лаўрэнція Паўлавіча, ці кагосьці з работнікаў наркамата дзяржбяспекі. Дарэчы, на карысць апошняга меркавання ўскосна сведчыць і сама загадкавасць знікнення скарбаў з Магілёва. Па-першае, не знойдзена дакументальнае пацвярджэнне вывазу каштоўнасцей. Па-другое, мажліва, што тое неадпаведнае пакаранне Мігуліна з’явілася своеасаблівай кампенсацияй за яго маўчанне аб далейшым лёсе рэліквій.

І яшчэ. Можна зачапіцца за словы П.Паддубскага, што эвакуацыя Магілёўскага збору пачалася вельмі позна — амаль за дзень да таго, як вакол Магілёва замкнулася кола гітлераўскага войска. Мажліва, хтосьці ў сваіх інтарэсах вырашыў выкарыстаць загад Сталіна ад 3 ліпеня 1941 г., згодна з якім усе невывезеныя каштоўнасці павінны былі знішчацца. А з 3 да 13 ліпеня было многа часу на роздум...

Таксама пытанне для развагі: выпадкова ці спецыяльна ў машыну да П.Паддубскага сеў першы сакратар ЦК КП(б)Б, які ў час налётаў

варожай авіяцыі раз-пораз гаварыў Пятру Харытонавічу: ”Каштоўнасці нам патрэбна давезці што б там ні было”? У пачатку вайны некаторыя беларускія музейныя рэліквіі маглі стаць часткай “золата парты”.

Словам, неабходнасць пошуку каштоўнасцей з Магілёўскага збору на тэрыторыі Расіі відавочная. І тут нас абнадзейваюць нашы калегі з расійскай спецслужбы, якія ахвотна ўзяліся дапамагчы нам. Стала рэальным спадзяванне, што і расійскія вучоныя не застануцца ў баку ад гэтай справы.

Трэба думаць, копія крыжа Ефрасінні Полацкай робіцца не ад адчаю, што назаўсёды страчана наша нацыянальная рэліквія. Узнаўленне помнікаў мінуўшчыны паказальна для нашага народа, які шануе сваю гістарычную спадчыну. Але непаўторнае дзіва Лазара Богшы павінна вярнуцца на сваю Радзіму. Дзеля гэтага давайце аб’яднаем і памножым нашы намаганні ў пошуку крыжа і іншых нацыянальных здабыткаў!

Николай НИКАНДРОВ (Москва)

**Проблемы выявления культурных ценностей,
принадлежащих одной стране и перемещенных на
территорию другой страны в годы Второй мировой войны**

Названная тема настолько сложна и масштабна, что можно с уверенностью сказать: одно только перечисление проблем не уложилось бы в рамки отпущенного для доклада времени. Поэтому придется обозначить проблемы наиболее актуальные и важные, решение которых может привести к некоему желаемому результату, воссозданию доверенной картины состояния культурных учреждений России накануне агрессии нацистов в 1941 г.

Формирование банка данных потерь культурных ценностей — основная проблема. Это, по сути, цель каждой страны, заинтересованной представить массив возможно безвозвратно утраченного с надеждой все-таки обрести эти утраты.

Как известно, за 50 с лишним лет после окончания Второй мировой войны необходимых усилий в этом направлении бывшими властями СССР не предпринималось. Отсутствие каких-либо систематизированных или обобщенных материалов вынуждает поисковиков-исследователей постоянно преодолевать хаос документов и свидетельств, рассредоточенных в различных архивах министерств и ве-

домств. С одной стороны, такая ситуация зеркально отражает тактику немецких агрессоров, наделивших полномочиями вывоза из СССР культурных ценностей подразделения вермахта, МИДа, СС и СД, Министерства оккупированных территорий и т.д.

Соответственно, вывезенные из Германии архивы указанных ведомств были сосредоточены в СССР в хранилищах Минобороны, МИДа, Внешторга, КГБ.

К тому же, как выяснилось, при вывозе с территории СССР культурных ценностей, оккупанты вывозили или уничтожали инвентарные книги, каталоги, учетную и другую документацию. А это уже проблема другого свойства — культурные учреждения при установлении своих утрат в послевоенное время ограничивались числом имевшихся до войны экспонатов и характеристикой своих фондов. Такая участь постигла в основном провинциальные музеи.

Ни один исследователь бывшего СССР в сфере определения утраченных в годы войны культурных ценностей не пройдет мимо материалов Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), образованной в ноябре 1942 г. исключительно для того, чтобы установить нанесенный агрессией ущерб.

Описи потерь, установленных ЧГК, составляют 21 книгу (до 14-й включительно — предметы искусства, с 15-й — музейные ценности исторических, краеведческих и других культурно-просветительских учреждений СССР).

Описи отражают потери на июль 1946 г. Естественно, в описях не учтены возвращенные позднее в СССР культурные ценности с территории Германии и других стран.

По одним сведениям, за годы войны 73 особо ценных музея СССР лишились около 600 тысяч экспонатов, по другим архивным источникам, свыше 760 тысяч, но уже 64 особо ценных музея. Этот колоссальный по объему массив перемещенных и пропавших предметов искусства и культуры вряд ли удастся восстановить в подлинном довоенном виде. Но процесс восстановления необходим не только ради опубликования потерь в каталогах (1-й том такого каталога в России готовится к изданию), но и ради того, пусть несоизмеримого с утраченным, успеха (это неизбежно) в обнаружении считающихся пропавшими, забытыми, вычеркнутыми из списков действующих культурных ценностей.

Итак, помимо списков, зафиксированных ЧГК, существует категория ценностей, находящихся до войны в фондах провинциальных му-

зеев (только в России их насчитывается более 100). Как правило, списков потерь этих музеев не имеется: Комитет по делам культпросветучреждений, в ведении которого они находились, ограничивался тем, что сообщал в ЧГК общую характеристику потерянного, определяя стоимостное выражение ущерба в рублях. Ущерб определялся очень просто: количество экспонатов умножалось на 200 рублей. Приходилось слышать такое: ну что там в каком-то провинциальном музее Смоленской области можно было ценного найти? Такие музеи, созданные в годы Советской власти, сейчас воспринимаются как некие пропагандистские центры большевизма.

Однако документы, обнаруженные нами, свидетельствуют о другом.

Особого внимания заслуживает установление массива возвращенного в СССР из Германии и других стран.

Американские оккупационные власти в Германии оказались самыми, если можно так сказать, удачливыми обладателями содержимого, свыше 1,5 тысячи захоронений культурных ценностей Германии и других стран. Извлеченные из тайников, замков, шахт Баварии художественные и иные культурные ценности были свезены в сборные пункты в Мюнхене, Оффенбахе, Висбадене и др., где, по возможности, определялись места происхождения ценностей на основании переданных деклараций заинтересованных стран.

Декларации СССР составлялись на основе материалов ЧГК. Но эти материалы не позволяли определить — что именно было вывезено за пределы Советского Союза оккупантами, а что было уничтожено на месте, поскольку списки шли под общей рубрикой: “Разграблено, уничтожено, вывезено”.

Тем не менее карточки требований сотрудниками Управления репараций и поставок Советской Военной администрации в Германии (СВАГ) спешно заполнялись и своевременно передавались в соответствующие структуры оккупационных властей США, Англии и Франции.

В результате на складе “Дерутра” в Берлине к 24 октября 1947 г. сосредоточилось огромное количество ящиков с художественными ценностями культурных учреждений СССР. Не оказалось при этом ни одного ящика, к которому был бы приложен попредметный список содержимого имущества. На складе не оказалось ни оборудованного помещения для хранения ящиков, ни справочных материалов... Немно-

гочисленная комиссия, которой предстояло составить подробную инвентаризационную опись помещенного в ящики, оказалась в нелепом положении, поскольку число ящиков достигло 2.391. Комиссия предложила осуществить составление подробной описи с оценкой каждого экспоната в условиях постоянного музейного хранения с привлечением высококвалифицированных специалистов. Предложение поддержали представители Комитета по делам культпросветучреждений России, уполномоченные Советов Министров Украины и Белоруссии, представители АН Украины и Белоруссии.

После этого 18 закрытых двухосных вагонов и 1 открытый (с двумя бронзовыми статуями и стволом музейной пушки) направились:

1. 4 вагона + 1 открытый — 275 ящ. — в г.Пушкин;
2. 4 вагона — в Новгород;
3. 8 вагонов — 1.127 ящ. — в Киев;
4. 2 вагона — 182 ящ. — в Минск.

Изучение дальнейшей судьбы возвращенных в СССР культурных ценностей — особая проблема.

Известно, что подробная инвентаризационная опись с определением стоимости каждого экспоната производилась на базах системы комитетов по делам культпросветучреждений России, Украины и Белоруссии.

Есть потребность на этой проблеме остановиться.

В нашем распоряжении имеются архивные свидетельства о проведенной работе в Пушкине, Новгороде, Киеве и Минске (частично).

Мы также располагаем материалами из Центра изучения Восточной Европы Бременского университета (ФРГ), переданными нам в конце 1996 г.

Приходится констатировать, что совместить информацию о возвращении культурных объектов из американской зоны с имеющимися в российских архивах сведениями почти невозможно: карточки собственности на предметы искусства (хранятся в федеральном архиве г.Кобленца и национальных архивах г.Вашингтона), переданные СССР, не носят конкретного характера — как правило, указано, что предполагаемый владелец в СССР неизвестен, вещь захвачена такой-то группой Штаба Розенберга у неизвестного русского владельца.

Произведения живописи хотя с трудом, но частично поддаются идентификации (в карточках указаны размеры, материал, иногда — маркировка).

Представляется, что в перспективе можно будет провести идентификацию всех карточек собственности возвращенных из Германии предметов искусства. При одном условии — это должны быть совместные усилия украинских, белорусских и российских специалистов.

Здесь, я полагаю, требуется остановиться на одной проблеме, которую никто не обсуждает, но почти все, ориентированные на публичность политики, охотно и часто ею пользуются. Желая выглядеть предельно убедительно, такие лица свободно оперируют (а иногда и жонглируют) цифрами потерь, возвращенного, предъявленного. При этом забывают уточнять, что эти цифры носят приблизительный, а то и весьма относительный характер.

Я уже упоминал цифры музейных потерь Советского Союза, обнаруженные в разное время, — от 200 до 763 тысяч. Никто из публикаторов не считает нужным уточнить: например, 200 тысяч из 40 музеев, 564 тысячи из 73, а 763 — из 64. Относительные числа вдруг обретают абсолютное значение. А ведь это, мягко говоря, неправда.

В июне 1994 г. российская делегация передала в Бонне списки по предметным утратам трех музеев: Екатерининского и Павловского дворцов и Орловского краеведческого музея — всего около 40 тысяч наименований.

В германской прессе цифра была оторвана от трех музеев. И получилось, что Россия всего-то и сумела “наскрести” 40 тысяч утраченных экспонатов.

В связи со счастливым отысканием в Бремене фрагмента Янтарной комнаты посыпались интервью, мнения специалистов. Все чаще в сознании общественности оседает общая цифра переданного в СССР из американской зоны оккупации.

Материалы Научно-исследовательского института Восточной Европы при Университете г.Бремена относительно возвращения американцами советских культурных ценностей показывают, что основная часть реституций была проведена в 1945–48 гг. из коллекционных пунктов MFA+A Оффенбахским архивным хранилищем.

Из общего количества — 534.120 позиций (Киев — 167.717) по крайней мере большинство составляют не музейные ценности, а архивные материалы, книги и брошюры, папки и документы. В немецких же СМИ эти отправления квалифицируются как музейные экспонаты. При этом называется общая цифра потерь советских музеев: 564 тыс. либо 600 тысяч. И получается, что Советский Союз, с учетом найденного на

территории других зон оккупации, обрел все утраченное в годы войны. Поспешность, с которой делаются “глобальные” выводы без подтверждения их соответствующей архивной и подлинной информацией, вызывает, мягко говоря, недоверие.

Нам удалось обнаружить в Калининграде, в архиве Георга Штайна “Список предметов, принятых в Риге и переданных 6 июля 1944 года в Кольмберг”. Это не просто попредметный список, а краткие описания 400 произведений живописи, без указаний владельца, инвентарных номеров и других реквизитов. Но зато краткие описания, сделанные высококвалифицированно руководителем особого штаба изобразительного искусства Робертом Шольцем, оставляли надежду на возможную идентификацию картин.

Копии описаний нами были направлены во все крупные музеи северо-запада России с просьбой идентифицировать списки со своими утратами.

Результат был ошеломляющим, несмотря на то, что эта работа оказалась результативной только для двух музеев. Например, Псковский государственный объединенный музей-заповедник идентифицировал 71 картину, которые принадлежали музею до войны и возвращены в послевоенное время. На некоторых из них сохранился немецкий шрифт.

В числе идентифицированных в Пскове картин оказались и те, которые в музей не вернулись, но их местонахождение известно.

По немецким описаниям также установлено, что ряд произведений искусства, принадлежащих другим музеям, ошибочно возвращены не в те собрания, откуда происходят.

Отмечу сразу, подобная ситуация является весьма характерной в судьбе ряда экспонатов из числа возвращенного. Архивные разыскания показывают, что часть экспонатов Белоруссии оказалась в Пушкине, Новгороде и Киеве. Это зафиксировано в попредметных списках, составленных при получении возвращенных культурных ценностей непосредственно в пунктах получения. Дальнейшую судьбу такого рода “заблудившихся” культурных ценностей предстоит устанавливать в каждом конкретном случае отдельно.

В отчете центрального хранилища за 1946 г. зафиксировано возвращение 200 тысяч предметов музейного значения (включая книги).

До 1948 г. передано библиотекам Воронежа, Смоленска, Новгорода, Киева и Риги 327 ящиков с книгами, принадлежащими этим библиотекам.

Как уже было отмечено выше, на ящики, поступившие из Берлина, не имелось сопроводительных документов. Сотрудникам Центрального хранилища в Царском Селе пришлось, впрочем, как и в Новгороде, Киеве и Минске, составлять описи.

В феврале 1948 г. Центральное хранилище музейных фондов сообщило в Комитет по делам культпросветучреждений Украины о том, что при разборке музейного имущества, возвращенного из Берлина, обнаружены около 300 картин, принадлежащих Киевскому музею и музеям других городов Украины. Кроме этого, обнаружены негативы археологических раскопок — три ящика, книги и другие предметы.

Центральное хранилище вторично в апреле 1948 г. просило Киевский городской отдел культпросветработы срочно выслать представителя за получением музейных ценностей.

В архиве Центрального хранилища имеется большое количество подобных обращений в Крымский областной исполком, в Феодосийский отдел.

Там же были установлены предметы, являющиеся собственностью Керченского музея, Исторического музея Белоруссии, Госмузея Киева и, согласно акту № 692 от 9 декабря 1948 г., возвращенные владельцам.

Есть сведения об обнаружении в Новгороде в числе возвращенных экспонатов предметов с указаниями на их принадлежность Белоруссии. В числе картин, возвращенных в Киев, установлена и принадлежность минским музеям.

В числе многих проблем, связанных с выявлением утраченных культурных ценностей, выделяется еще одна, требующая особого внимания и решения. Как было уже сказано, большинство провинциальных музеев лишены возможности восстановить попредметные описи довоенных фондов, поскольку музейная документация либо погибла в период военных действий, либо была вывезена вместе с экспонатами за пределы страны.

В документах ЧГК такие культурные учреждения обозначены трагической формулировкой: “уничтожен полностью”.

Мы решились на отчаянный шаг: проследить получение экспонатов из московских музейных фондов провинциальными музеями — со времени основания музея до 1941 г. Хотя мы понимали, что эта работа позволит установить только малую частицу пропавшего.

В какой-то степени картина, до сего времени туманная, стала проясняться: в музее Рыльска (Курская область) в 1926 г. из Госу-

дарственного музейного фонда направлялись картины из собраний Строгановского фонда (в том числе и работы И.Репина), Сычевскому музею (Смоленская область) — работы Айвазовского (приобретенные на аукционе), из Румянцевского музея, галереи Цветкова и др. собраний — произведения Касаткина, иных известных мастеров — числом в несколько десятков. Помимо картин передавались рисунки, иконы, скульптуры, фарфор, мебель, ткани, книги, нумизматика, имущество прикладного характера и т.п. К сожалению, протокустово ложе регламента и темы не позволяет донести до сведения присутствующих круг проблем, обозначенный в процессе архивных разысканий.

О нашем стремлении сотрудничать на основе общих и взаимных интересов мы не только декларировали, но и предоставляли информацию (и при любых условиях изменений политического или иного курса готовы продолжать взаимодействие).

Нам есть чем поделиться относительно информации об установлении количества и качества наших потерь в годы Второй мировой войны.

Более того, я рискну выразить свое личное мнение о всплесках интереса к т.н. “трофейному искусству”. Основная тема этих всплесков — все-таки “обратная сторона” медали, а между тем ее аверсом является агрессия 1941 г. и ее последствия, в данном случае, беспримерное обеднение культурного наследия подвергшихся агрессии государств.

Установить подлинную картину утраченного возможно только в результате рутинной работы в архивах, и без объединения усилий Украины, Беларуси и России вряд ли удастся преодолеть нагромождение, хаос событий, действий, решений, поступков, прямых и косвенных преступлений, связанных с военным и послевоенным перемещением культурных ценностей, отчужденных от своих владельцев. Преодоление хаоса требует своей методологии.

А если учесть то обстоятельство, что бывшие советские власти по сути никаких масштабных действий по поиску утраченного культурного фонда не предпринимали, можно представить масштаб и сложность ведущейся ныне в условиях финансовых и прочих лишений работы.

Некоторые пострадавшие в годы войны российские музеи кое-что установили: новые данные существенно корректируют цифры потерь, зафиксированные ЧГК на 1946 г.

Скажем, полностью разрушенный и разграбленный Дорогобужский краеведческий музей Смоленской области в материалах ЧГК выглядит как потерявший 1.457 экспонатов и 6.000 книг на общую сумму 635.000 рублей.

Новейшие изыскания показывают: музей в результате вывоза в период оккупации лишился 6.500 экспонатов на сумму 9.614.000 рублей.

Аналогичная картина и по Сычевскому краеведческому музею: ЧГК указаны 2.322 экспоната на сумму 464.000 рублей, а ныне картина выявляется другая — более 5.000 экспонатов на сумму 9.200.000 рублей.

Мы убедились: эти разночтения в сторону увеличения количества утраченного — не плод фантазии местных музейщиков, а результат использования их научного потенциала и целенаправленной работы.

Я уже упоминал проблему т.н. “скрытого” перераспределения возвращенных культурных ценностей в послевоенное время. И решение этой проблемы — не из простых. Вот о чем свидетельствуют архивы 1949 г.: в сентябре 1948 г. Керченский музей получил из Центрального хранилища Ленинградских пригородных музеев в г.Пушкине 40 ящиков с археологическими коллекциями.

При вскрытии ящиков в музее было установлено, что в четырех из них находится материал, не принадлежащий Керченскому музею, а в остальных 36 находились коллекции Керченского музея, вывезенные немцами во время оккупации. Какова судьба четырех ящиков — неизвестно.

Кстати, в Керчь вернулись 36 ящиков из 45 вывезенных оккупантами. Судьба остальных девяти ящиков неизвестна.

В актах вскрытия ящиков, прибывших без паспортов и по предметным спискам, отмечается: не оказалось в наличии наиболее ценных вещей, находившихся на хранении в музее, а прибывшие коллекции — с сильными повреждениями, требуется большая реставрационная работа.

Некоторую ясность привносит обнаруженная внутри одного ящика записка на русском языке. Вот ее содержание: “Внимание! Важно.

Сообщаю для сведения, что все археологические коллекции из Крыма и других городов Советского Союза хранились во время войны в замке Хохштадт в южной Баварии. Все было в образцовом порядке. После оккупации Германии американцами замок был взят под охрану американскими властями с 22 апреля 1945 г.

С этого времени никто не мог войти в хранилище, и много вещей было разграблено американскими солдатами. Все, что упаковано, собрано нами на полу, найдено в мусоре.

Некоторые ящики уцелели.

Привет Родине.

3 октября 1945 г.”

Ни подписи, ничего другого. Только небольшой листок, заполненный простым карандашом.

Этот документ, чисто человеческого свойства, свидетельствует собой очень важное обстоятельство: ящики американские власти не проверяли, передавая советским представителям коллекции. Содержимое ящиков в первозданном виде из Хохштадта проследовало до склада Дерутра в Восточном порту Берлина, затем — в центральное хранилище в г.Пушкине, пока их не описали непосредственно в Керчи.

Нынче может показаться невероятным: американскими оккупационными властями до октября 1947 г. передано советским представителям 13 грузов культурных ценностей, принадлежащих Советскому Союзу. Как я упомянул выше — 2.391 ящик. И ни единой описи, ни одного попредметного списка к ящикам!

Сейчас можно уже установить: эти списки были (ну хотя бы в карточках требований), они позднее перекочевали от американцев в Бундес-архив г.Кобленца. А в Советском Союзе царил соответствующая неразбериха — часть возвращенного попала не по адресу, т.е. не по месту происхождения культурных ценностей. Почему так произошло, пока ответа мы не знаем. Но можно представить, с какими проблемами мы в связи с этим сталкиваемся.

Мы вынуждены запрашивать все музеи России о фактах поступления в период 1945–55 гг. музейных и иных экспонатов из Москвы, Пушкина, Новгорода, Ленинграда. Некоторые результаты имеются.

Трудно, но необратимо мы продвигаемся в направлении издания каталога потерь России в годы Второй мировой войны (первый том уже в работе). Это уже другие проблемы, тоже очень сложные. Скажем, мы все делаем для того, чтобы исключить попадание в списки потерь тех культурных ценностей, которые в 30-е годы поступали на аукционы Европы. Мы — за сотрудничество в этой области всех, кто искренне заинтересован решать указанные проблемы на основе документов.

Питер ДЖОНС (Эдинбург)**Музей расскажет о нашем национальном наследии**

Мне бы хотелось рассказать вам о новом музее в Шотландии, открытие которого состоится через 12 месяцев. Прежде, чем сформулировать свою программу, группа попечителей, включая меня, посетила многие страны мира, чтобы познакомиться с работой музеев. Мы были в Штуттгарте, Франкфурте, Париже, Вашингтоне, Оттаве, Ванкувере, Атланте.

Здание существующего Национального музея Шотландии было построено в 1861 г. Мы можем разместить в нем лишь 5 процентов нашей коллекции экспонатов. В 1989 г. после серии выставок, воплотивших наши представления о том, как необходимо освещать историю Шотландии, правительство выделило нам средства для постройки нового крыла здания. Должен сказать, мы были очень удивлены, узнав о правительственной поддержке, и когда министр спросил у нас, какая сумма нам нужна, мы не знали, что ответить. Мы действительно были удивлены, поэтому названная нами сумма оказалась вдвое меньше необходимой. Фактически правительство пообещало нам 32 миллиона фунтов стерлингов. Новое здание, которое откроется в ноябре этого года, обойдется нам в 72 миллиона фунтов стерлингов (или в 120 миллионов американских долларов).

После того, как нам выделили деньги, наша группа попечителей (всего насчитывается 16 человек, назначенных министром и государственным секретарем по делам Шотландии — этот пост был учрежден в 1707 г. и приравнен к посту премьер-министра) посетила многие музеи мира. Это 30 музеев, а я сам дополнительно побывал еще в 30. После этого мы разработали очень подробную программу наших запросов именно благодаря опыту, накопленному во время нашего путешествия. Директора, хранители и сотрудники музеев были всегда готовы помочь нам, они рассказали о совершенных ими в своих собственных музеях ошибках, причем речь шла как о новых зданиях, так и о модификации старых. Возник такой момент, когда мы были настолько встревожены, что чуть не отказались от всего проекта. Казалось, всё было обречено на ошибки и неудачи: все крыши протекали; из-за конструкции окна либо переохлаждались, либо чрезмерно нагревались; не хва-

тало мест для складирования; посетителям негде было присесть; не было гардероба. Однако мы решили продолжать намеченное и в соответствии с правилами Международного союза профессиональных архитекторов, штаб-квартира которого находится в Париже, организовали международный конкурс, посвященный новому музею, и нами были получены 372 заявки. Было назначено жюри из 8 человек: 4 архитектора и 4 представителя других профессий (я был в числе последних). Из 372 заявок мы отобрали 12, затем эти 12 сократили до 6, и последним шести кандидатам мы дали дополнительно 3 месяца, что в целом составило 9 месяцев вместе с оплатой. За это время они должны были представить модели и 4 больших рисунка.

Новое здание даст нам дополнительно 7 000 кв.м. экспозиционной площади к тем 15 000 кв.метров, которыми мы уже обладаем. Будет выставлено 13 000 экспонатов, они уже отобраны и ждут своей очереди на полках. У хранителей будет только 4,5 месяца на то, чтобы выставить все материалы, как только уляжется пыль стройки. Мы как раз завершаем обсуждение того, каким должно быть содержание и величина пояснительных ярлыков для всех этих предметов.

Позвольте кратко остановиться на тематике. Хотелось бы подчеркнуть, что главной целью при строительстве здания являлось получение возможности выставить больше экспонатов — больше, чем мы могли выставить в прошлом. Среди экспонатов не будет специально приобретенных, за исключением ряда предметов, найденных при недавних археологических раскопках, — всё, что будет выставлено в экспозиции, уже хранилось в наших запасниках до ста лет. Мы не одалживаем, не одалживали и не будем что-либо одалживать или красть из других музеев Шотландии. У нас есть свои коллекции, и будет выставлено больше экспонатов, чем прежде.

И все же даже в данном случае мы сможем показать менее 10 процентов наших коллекций. Хотя, как вам известно, большинство крупных национальных музеев могут выставить только 3 процента своих экспонатов. Стараясь показать и представить историю Шотландии во всем разнообразии, мы шесть лет тому назад впервые пригласили в национальный музей всех хранителей, для которых провели серию однодневных семинаров. На семинарах попросили каждый отдел рассказать о своей работе другим отделам. Итак, впервые геологи познакомились с тем, чем занимаются ботаники, инженеры — с тем, чем живут специалисты в области изящного искусства или графики; хранители

полностью поняли, с какими проблемами сталкиваются многие отделы. Это был великолепный обмен опытом, очень полезный для многих, а результаты оказались в высшей степени взаимовыгодными. Мы договорились, что всегда, когда возможно, через наш новый музей будем акцентировать внимание на том, как мало мы знаем — ведь Национальный музей должен распространять знания и способствовать общению. Количество экспонатов, которое мы сможем выставить для обозрения, конечно, будет очень сдерживать наши возможности. Иногда мы почти ничего не знаем об этих экспонатах или мало знаем о том контексте, который с ними связан. Иногда мы знаем довольно много. Большинство экспонатов изменилось за время своего существования, многие не полностью сохранились, к некоторым не можем найти ключей, которые рассказали бы нам о их назначении.

Вторая проблема, которую мы хотели бы точно очертить, касается временного измерения. Первый раздел нашей выставки посвящен геологическому зарождению Шотландии. Речь идет о периоде 3000 миллионов лет тому назад. Здесь представлена хронология и движущие силы, которые нам, дилетантам, трудно понять. Мой любимый аспект этой выставки касается того факта, что 3000 миллионов лет назад Шотландия находилась на экваторе. От Англии ее отделял океан, и она была соединена с Австралией. Англичане этому не верят... Итак, Шотландия была тропической землей, с вулканами, потоками лавы, на ней обитали тропические ящерицы. И действительно, в нашей коллекции есть ящерица, обитавшая 3000 миллионов лет тому назад, древнейшая в своем роде из тех, что мы нашли в Европе. Она была обнаружена только три года тому назад. Однако, хотя земле под нами 3000 миллионов лет, земле вокруг нас только 8000 лет, то есть именно в тот период, как полагают, в Шотландии возникла человеческая жизнь, и большая часть из того, что мы видим, является результатом вмешательства человека. Второй раздел выставки (первый называется “Начала” и охватывает геологию) посвящен первым людям и рассказывает о первых годах их восьмимысячного существования. Это подтверждает археологические данные, без каких-либо письменных источников. Наши реликвии и найденные останки мы размещаем под названиями “Ресурсы”, “Энергия”, “Движение” и “Смерть”.

Третий раздел выставки посвящен истории Шотландии, которая охватывает период менее 1000 лет. В итоге, перед вами стоит уже выстроенная концепция: 3000 миллионов лет, 8 000 лет и 1000 лет. Этот,

исторический раздел, мы подразделяем на четыре периода: ранний период, XVIII, XIX и XX века.

В Национальном музее работают 340 хранителей и сотрудников. Мы не сможем увеличить штатный состав, но нам нужны дополнительные внештатные кадры. Мы разработали мультимедийный CD-ROM для хранения контекстуальной информации обо всех наших главных экспонатах. Бесплатно предоставили этот уникальный CD-ROM всем нашим начальным школам в Шотландии, а историческая тематика нашего Музея была включена в учебную программу по истории в начальных и средних школах. Это значит, что школьники во время посещения Национального музея смогут увидеть реальные вещи, о которых они уже что-то узнали во время занятий у себя в школе.

Последний концептуальный вопрос, на котором я хотел бы остановиться в связи с музеем, очень волнует меня как председателя этой структуры и бесчисленных собраний, проведенных за последние 10 лет. В Европе сложилось широко распространившееся мнение, что объекты, экспонаты, если на них посмотреть под определенным углом зрения, могут говорить сами за себя. Это неверно. Объекты не могут говорить сами за себя, потому что объекты не могут разговаривать. Задачей музеев и других организаций является обеспечение карты или контекста, в которые можно поместить объекты. И тогда они действительно заговорят с посетителями.

*Расшифровала магнитофонную запись Наталья Жук,
перевел с английского языка Сергей Плютов.*

Аляксандр МІХАЛЬЧАНКА, Вячаслаў НАСЕВІЧ (Мінск)

Вяртанне архіўных дакументаў на гістарычную радзіму ў сучасных умовах

Тыя, хто займаецца праблемай захавання нашай дакументальна-гістарычнай спадчыны, сутыкаюцца з пытаннем пра тое, якім чынам мінулае ўплывае на сучаснасць і будучыню. Яны захоўваюць фонды або калекцыі, што адлюстроўваюць мінулыя часы, падтрымліваюць запісы мінулых падзей, каб забяспечыць доступ да іх наступным пакаленням. Безумоўна, для гэтага патрабуецца грунтоўнае разуменне самога гістарычнага матэрыялу, шляхоў яго стварэння і яго зместу.

Адначасова гэта патрабуе ацэнкі яго выкарыстання і значэння ў будучым. Іншымі словамі, тыя, хто стварае архівы будучыні з таго, што засталася ад мінулага, і нясе адказнасць за захаванне калекцый, знаходзяцца на скрыжаванні часоў.

Вырашаючы задачу па захаванню і забеспячэнню доступу да матэрыялаў, назапашаных за стагоддзі, гэтыя людзі ўвесь час з'яўляюцца сведкамі спусташальнага дзеяння часу. Значная частка матэрыялаў XIX і XX стст. знаходзіцца ў стане разбурэння. Кіслотная папера, на якой яны створаны, проста не разлічана на доўгае захаванне. Наўрад ці хтосьці цалкам усведамляе сур'ёзнасць і маштабы такога разбурэння. Гаворачы пра праблему захавання папяровых матэрыялаў, большасць людзей лічыць, што гэтая праблема тычыцца толькі захавання старых і рэдкіх дакументаў і ёй павінны займацца спецыялісты. Людзі не разумеюць таго, якая істотная частка параўнальна нядаўніх пісьмовых запісаў знаходзіцца ў небяспецы і можа быць страчана. Нават навукоўцы, якія залежаць у сваёй даследчай рабоце ад матэрыялаў XIX і XX стст., не ўяўляюць сабе, якія вялізныя аб'ёмы дакументаў знаходзяцца ў такой небяспецы.

У *агульным* сэнсе: калі мы сур'ёзна намераны разглядаць сябе як цывілізаванае грамадства, якое ўсведамляе, што для разумення сучаснасці і будучыні неабходна вывучаць мінулае, мы проста абавязаны рабіць усё, каб захаваць гэтую пісьмовую інтэлектуальную гісторыю. Гэта значыць, мы павінны выбіраць захаванне.

У *больш канкрэтным* сэнсе: калі мы прааналізуем маштабы праблемы, то зразумеем, што немагчыма захаваць звычайнымі спосабамі ўсе кнігі і дакументы, якім пагражае незваротнае разбурэнне. Калі ўлічыць недахоп сродкаў і тэмпы такога разбурэння, дзявдзецца выбіраць найлепшае з магчымых рашэнняў у кожным канкрэтным выпадку. Ключавым тут, напэўна, з'яўляецца слова «выбіраць». Паўстае цэлы шэраг пытанняў. Як захаваць матэрыялы і ў якой ступені належыць захоўваць арыгіналы? Наколькі карысным можа аказацца правядзенне масавых мерапрыемстваў па раздзяленню і хімічнай нейтралізацыі папяровых дакументаў? Ці вырашаюць гэтыя праблемы мікрафільмаванне і захаванне дадзеных у электроннай форме? Апрача таго існуе пытанне — што захоўваць? Ці павінны займацца пытаннямі нацыянальнай спадчыны ўстановы кожнай краіны паасобку? Як вызначаць прыярытэты і як раздзяляць і каардынаваць работу гэтых устаноў? Што рабіць з матэрыяламі,

якія не з'яўляюцца часткай спадчыны дадзенай нацыі? Якія наступствы могуць быць для падобных калекцый, калі асноўны прырытэт будзе надавацца захаванню нацыянальнай спадчыны? Якім чынам розныя краіны могуць ажыццяўляць супрацоўніцтва з мэтай захавання максімальнай колькасці дакументаў, не дубліруючы свае намаганні?

Сёння на некаторыя з гэтых пытанняў поўнага адказу не існуе. У той жа час неабходна зрабіць цяжкі выбар, ад якога будзе залежаць доступ да нашай дакументальнай спадчыны ў будучым.

Асабліваасці гістарычнага шляху Беларусі прывялі да таго, што вялізная колькасць дакументаў, якія тычацца яе тэрыторыі і яе гісторыі, цяпер знаходзіцца ў архівах Расіі, Польшчы, Украіны і іншых краін. Таму для нас адзначаныя пытанні гучаць асабліва актуальна. Доступ да гістарычнай інфармацыі, што змяшчаецца ў гэтых дакументах, жыццёва неабходны для развіцця беларускай культуры, навукі і нацыянальнай самасвядомасці. У той жа час перамяшчэнне ў Беларусь арыгіналаў усіх гэтых дакументаў уяўляецца невырашальнай задачай. Вырашэнне гэтай праблемы трэба шукаць на шляху сучасных інфармацыйных тэхналогій і народжаных імі новых канцэптуальных падыходаў.

Можна паразважаць пра чалавечую памяць у параўнанні з сучасным архівам. Паміж імі існуе дзівоснае падабенства. Спрошчаны і з навуковага пункту гледжання няслушны вобраз памяці зводзіцца да таго, што яна ўяўляе сабой нейкую статычную сістэму захавання, дзе ў арганізаваным парадку захоўваюцца біты інфармацыі, якія адшукваюцца ў выпадку неабходнасці. Але памяць лепш разглядаць з пункту гледжання дынамічнай канцэпцыі — як сістэму, што няспынна перабудоўваецца ў ходзе шматлікіх хімічных, неўралагічных і фізіялагічных працэсаў. Памяць трэба разглядаць як няспынны *працэс* пабудовы і перабудовы сістэмы кагнітыўнай інфармацыі.

Такая больш рэалістычная канцэпцыя памяці лепш увязваецца з сучаснай канцэпцыяй архіва. Яго больш не варта разглядаць як нейкую пасіўную калекцыю матэрыялаў, якія проста знаходзяцца ў архіве ў выглядзе раскладзеных па паліцах стосаў дакументаў, шэрагаў стужак і дыскаў. Ключавой для архіваў ідэяй з'яўляецца, хутчэй за ўсё, ідэя аб жывых традыцыях, якія павінны знаходзіць сваё адлюстраванне ў наступных пакаленнях. У цэнтры ўвагі знаходзіцца перадача інфармацыі.

За апошнія дзесяцігоддзі з'явіліся якасна новыя сродкі капіравання, захавання і перадачы інфармацыі: мікрафільмаванне, мікрафішаванне, ксеракапіраванне і, нарэшце, разнастайная камп'ютэрная тэхніка і сістэма тэлекамунацыі. Гэта патрабуе новага падыходу да самога паняцця *дакумента*.

Доўгі час у архіўнай практыцы панавала разуменне дакумента як матэрыяльнага аб'екта, на якім зафіксавана пэўная інфармацыя. Іншымі словамі, паняцце *аб'екта* (г. зн. — носьбіта інфармацыі) было ключавым, а паняцце ўласна інфармацыі — другасным. У свеце памнажалых апаратаў і камп'ютэраў, дзе копія часам не адрозніваецца ад арыгінала і лёгка пераносіцца з аднаго носьбіта на другі, патрэбны іншы падыход. Пад дакументам сёння ўсё часцей разумеюць перш за ўсё *інфармацыю*, зафіксаваную на нейкім матэрыяльным носьбіце. Ключавым паняццем становіцца менавіта інфармацыя, а носьбіт — другасным.

Прымяненне такога падыходу да праблемы замежнай архіўнай спадчыны Беларусі азначае, што зыходныя носьбіты інфармацыі (*арыгіналы дакументаў* у традыцыйным разуменні) могуць захоўвацца ў тых сховішчах, дзе яны апынуліся па волі лёсу. Нашы намаганні павінны быць накіраваны на вяртанне перш за ўсё інфармацыі, якая змяшчаецца ў іх, шляхам пераносу яе на новыя носьбіты. У былой трактоўцы гэта азначае капіраванне дакументаў, у сучаснай — стварэнне новых *версій* гэтых дакументаў, якія эквівалентны арыгіналам з пункту гледжання інфармацыйнай каштоўнасці, але адрозніваюцца па ўмовах выкарыстання.

Безумоўна, пры капіраванні непазбежна губляюцца нейкія асаблівасці арыгінала, звязаныя з фактурай носьбіта. Гэта прынцыпова, калі разглядаць дакумент у якасці музейнага экспаната. Але архівістаў, як і наведвальнікаў архіваў, цікавіць перш за ўсё не музейная, а інфармацыйная функцыя дакумента. Вяртаючыся да праблемы выбару, пра што размова ішла вышэй, яе можна сфармуляваць больш вузка: ці трэба накіраваць нашы абмежаваныя рэсурсы на захаванне, аднаўленне, вяртанне папяровых і іншых дакументаў як матэрыяльных аб'ектаў, ці лепш гэтыя сродкі выдаць на захаванне перш за ўсё інфармацыі?

Ход падзей сам падштурхоўвае нас да адказу. Усё роўна з пункту гледжання захаванасці дакументаў архівы, якія захоўваюць арыгіналы, абмяжоўваюць доступ да іх, прадастаўляючы карыстальнікам мікрафільмы або мікрафішы. У перспектыве вельмі верагодны і пераход

на электронныя рабочыя копіі. Пры гэтым з'яўляецца цэлы шэраг новых магчымасцей. Калі арыгінал можа захоўвацца толькі ў адным месцы, то раўнацэнныя версіі — усюды, дзе ў іх ёсць патрэба. Электронныя копіі можна перадаваць па каналах сувязі, тыражаваць на кампакт-дысках.

У якасці прыкладу паспяховай рэалізацыі такога падыходу можна прывесці мікрафільмаванне дакументаў Метрыкі Вялікага княства Літоўскага, ажыццёўленае ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве, дзе захоўваецца гэты унікальны фонд. Сёння практычна раўнацэнныя мікрафілмы выдаюцца карыстальнікам, якія звяртаюцца як непасрэдна ў гэты архіў, так і ў гістарычныя архівы Мінска, Вільнюса, Кіева, куды былі перададзены іх копіі. У такіх умовах месца захавання арыгінала ў пэўнай ступені губляе былую актуальнасць. Можна сказаць, што інфармацыя Метрыкі стала агульным здабыткам краін, да гісторыі якіх яна мае дачыненне.

Яшчэ адным прыкладам можа служыць Радзівілаўскі летапіс, арыгінал якога захоўваецца ў Санкт-Пецярбургу. Нядаўна пабачыла свет факсімільнае выданне гэтага летапіса, а таксама створана электронная копія, якая распаўсюджваецца на кампакт-дысках. Сёння інфармацыя, што знаходзіцца не толькі ў тэксце летапіса, але і ў яго унікальных ілюстрацыях, даступная кожнаму, хто можа сабе дазволіць набыццё факсімільнага або электроннага выдання.

Тут мы зноў закранаем праблему кошту. Усё ж стварэнне копіі, якія практычна раўнацэнныя арыгіналам, застаецца дастаткова працаёмкай і дарагой справай. Праўда, удзельныя выдаткі можна істотна панізіць за кошт тыражавання. Менавіта электронныя копіі выглядаюць у гэтым сэнсе даволі перспектыўнымі. Хаця яны і патрабуюць даволі вялікіх першапачатковых выдаткаў на набыццё камп'ютэрнай тэхнікі, наступнае тыражаванне аднойчы створаных копіі ажыццяўляецца хутка і параўнальна танна. Тым не менш, мікрафілмы і мікрафішы таксама пакуль рана скідваць з рахунку.

Увогуле, збіранне і надзейнае захоўванне інфармацыі — гэта толькі частка працэсу. У ходзе збірання і перадачы ведаў заўсёды прысутнічае нейкая сістэма выбару. Дзякуючы ёй веды, што лічыліся надзейнымі і карыснымі, захоўваліся і аднаўляліся. Пры гэтым некаторыя рукапісы, дакументы і рукапісныя кнігі губляліся, забываліся, выпадкова ці наўмысна разбураліся, прычым гэты працэс, безумоўна, ніколі не быў адвольным.

Дзякуючы укараненню сучасных інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій, дынамічны працэс пабудовы нашай калектыўнай памяці, безумоўна, атрымаў імпульс. З'яўленне інфармацыйных сетак, сістэм электроннай сувязі, масавае лічбавае кадзіраванне вербальнага і выяўленчага матэрыялу, забеспячэнне хуткага доступу да сусветнай інфармацыі праз інфармацыйныя сеткі і сістэмы прывялі да рэвалюцыйных змен у гэтай вобласці.

Безумоўна, такія змены яшчэ не гарантуюць павелічэння працягласці жыцця інфармацыі. Наадварот, нам пашанцуе, калі лічбавую інфармацыю можна будзе прачытаць гадоў праз дваццаць пасля яе запамінання. Нават калі носьбіт такой інфармацыі ўдасца захаваць у добрым стане на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў, праблема застаецца, бо абсталяванне і праграмнае забеспячэнне састарэюць значна раней. У якасці аднаго з выйсцяў часам прапаноўваецца рэгулярная міграцыя — перанос інфармацыі з адных носьбітаў і сістэм на іншыя. Гэта, аднак, патрабуе пастаянных матэрыяльных і інтэлектуальных затрат, а сумарны кошт такога вырашэння праблемы сёння прадказаць немагчыма. Відавочна, што ў эпоху электронікі патрэба ў адэкватных стратэгіях захавання і забеспячэння доступу становіцца яшчэ больш актуальнай.

У многіх установах Еўропы, асабліва Усходняй і Цэнтральнай, архівісты ўсё яшчэ вядуць барацьбу за захаванне матэрыялаў, у асноўным, паасобку. У той жа час ёсць шэраг цікавых праектаў і каштоўны вопыт, які набыты асобнымі ўстановамі, але не перададзены іншым, часам нават калегам у сваёй краіне. Па-ранейшаму няма адзінай крыніцы базавай інфармацыі адносна ажыццяўляемых даследаванняў і праектаў, што стварае рызыку дублявання намаганняў. Са з'яўленнем мабільных сродкаў сканавання інфармацыі, якія дазваляюць цалкам уводзіць старонкі дакументаў у камп'ютэр непасрэдна ў чытальнай зале архіва, гэтая рызыка дубліравання яшчэ больш узрастае. Пры вялікай колькасці дакументаў, копіі якіх трэба тэрмінова ствараць, мы не можам дазволіць сабе двойчы капіраваць тыя самыя дакументы замест таго, каб проста тыражаваць аднойчы створаныя копіі.

Стварэнне агульнаеўрапейскай платформы магло б таксама садзейнічаць распаўсюджанню вынікаў даследаванняў да ўзроўню іх практычнага выкарыстання. У сённяшні час лагічным выбарам з'яўляецца стварэнне электроннага цэнтра. Для кожнага асобнага праекта такі цэнтр забяспечыў бы найлепшыя ўмовы доступу да

інфармацыі па самай нізкай цане. Прытым у бліжэйшыя гады павінен быць пашыраны доступ да яе праз міжнародныя інфармацыйныя сеткі. Больш таго, такая арганізаваная электронная база дадзеных магла б выкарыстоўвацца для стварэння друкаваных і электронных публікацый, у прыватнасці даведнікаў і бібліяграфій, для тых, хто не мае доступу да міжнароднай сеткі.

Міжнародная сетка як крыніца інфармацыі найлепшым чынам прыстасавана для задавальнення патрэб тых, хто займаецца актыўным пошукам інфармацыі. Яна не можа ўяўляць сабой проста архіў з дакументацыяй: тут павінна ўвесць час нешта адбывацца, у іншым выпадку карыстальнікі страцяць цікавасць да яе.

Для павышэння ўзроўню разумення праблемы захавання і вяртання дакументальнай інфармацыі мы павінны выкарыстоўваць і звыклія друкаваныя матэрыялы, а таксама матэрыялы, адрасаваныя канкрэтным групам. Выкарыстанне друкаваных матэрыялаў па-ранейшаму актуальна, бо аўтаматызацыя яшчэ не так шырока распаўсюджана, асабліва ў краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, дзе далёка не кожны мае доступ у міжнародную сетку. Стан спраў, верагодна, будзе хутка мяняцца, аднак сёння даводзіцца выкарыстоўваць і каналы сувязі, і друкаваныя, і лічбавыя дакументы.

Мы ведаем, што ў 1997 г. рыхтуецца канферэнцыя ў Лісабоне. Яе мэтай будзе ацэнка існуючых тэхналогій па забеспячэнню доўгатэрміновага доступу да дакументальнай спадчыны. Перавагі і недахопы розных метадаў будуць прааналізаваны на падставе вынікаў даследчыцкіх і іншых работ. Ацэнка метадаў будзе ўключаць пытанні рэстаўрацыі, хімічнай нейтралізацыі, мікрафільмавання, сканавання і лічбавага кадавання. Асноўная ўвага на канферэнцыі будзе нададзена матэрыялам на папяровых носьбітах, але будуць і даклады, прысвечаныя пытанням захавання іншых носьбітаў. Дакладчыкі будуць прадстаўляць краіны Еўропы і ЗША, якія маюць вопыт правядзення работ у канкрэтных галінах навуковых даследаванняў або ўдзелу ў адпаведных праектах.

У сучасным свеце, дзе новая інфармацыя з'яўляецца з небылай хуткасцю, мы спадзяемся на правядзенне дыскусій па пытаннях будучыні ўсіх ведаў, назапашаных на працягу стагоддзяў. Мы імкнемся давесці да свядомасці людзей, што клопат пра нашу інтэлектуальную спадчыну патрабуе вялізнага ўкладання вопыту, часу і грошай. Для таго, каб наша калектыўная памяць не знікла бяследна, як гэта адбываецца

з паперай, якой мы яе давяраем, нам неабходна знайсці сродкі яе пастаяннага абнаўлення і абмену. Гэтая задача не вырашаецца адным захаваннем ці вяртаннем з замежжа носьбітаў такой памяці — яна сягае значна далей і ўключае ў сябе няспыннае трансфармаванне і перафармаванне, каб забяспечыць бесперапынны доступ да свету дакументаў. Толькі пры такіх умовах наша калектыўная памяць здолее пазбегнуць лёсу многіх дакументаў, якія паволі ператвараюцца ў пыл на сваіх паліцах, і застаецца жывой традыцыяй перадачы ведаў.